

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА Ф. И. ТЮТЧЕВА

Обзор К. Пигарева

В наши дни, когда проблема освоения культурного наследия прошлого поставлена во всей своей широте, самого серьезного внимания заслуживают различные «судьбы» тех литературных наследств, которые нам надлежит пересмотреть и переоценить. С этой точки зрения немалый интерес представляет своеобразная судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева.

Отношение к Тютчеву, как его современников, так и последующих поколений, характеризуется, с одной стороны, — восторженными оценками меньшинства читателей, с другой, — малознаемостью в широких кругах. Причины этого следует искать прежде всего в «специфически-классовой оболочке» (по выражению современного критика) тютчевского творчества и в реакционной направленности его политических стихов. Было бы однако ошибкой думать, что поэзия Тютчева была достоянием тех великосветских и придворных гостиных, в которых он — увлекательный собеседник и «жемчужноуст-острослов» — являлся всегда желанным гостем. Между тем, по отзыву стороннего наблюдателя, «никто из посещаемых им мужчин и дам, никто из окружающих его не чувствовал и не понимал поэзии его стихов»¹. Правда, его политические стихотворения переписывались нарасхват этими мужчинами и дамами, но ценили их исключительно за содержание, наравне с подобными же по теме, но бессильными в поэтическом отношении потугами салонных рифмачей.

Жуковский, Пушкин, Некрасов, Тургенев, Фет, Достоевский, Л. Толстой — вот далеко не полный перечень настоящих ценителей подлинного Тютчева. Но и этот перечень уже достаточно знаменателен. Поэзия Тютчева ранее всего оказалась доступной избранным представителям того же класса, к которому принадлежал сам поэт, в большей или меньшей степени носителям традиций той же заходящей дворянской культуры, ярким выражением которой и явилось творчество Тютчева. «Истинные любители изящного» высокомерно отмежевывали Тютчева от «толпы»: «популярности мы не предсказываем г. Тютчеву, — писал И. С. Тургенев, — той шумящей сомнительной популярности, которой, вероятно, г. Тютчев несколько не добивается. Талант его, по самому свойству своему, не обращен к толпе и не от нее ждет отзыва и одобрения»²; «немало требует г. Тютчев от читателей, обращаясь к их сочувствию, — заявлял Фет. — До сих пор большинство не отзывалось, да и не могло отзываться на его голос»³. Отбрасывая политические стихи Тютчева, те же Тургенев и Фет воспользовались «чистой лирикой» Тютчева как оружием в литературно-классовой борьбе с «антихудожественной» гражданственностью представителей революционной демократии. В эпоху русского освободительного движения поэзия Тютчева естественно не могла перешагнуть через круг «самых строгих и рьяных эстетиков» (как презрительно отзывался о почитателях Тютчева Скабичевский)⁴ — и этот факт был в то время неизбежным и исторически оправданным. Но одиноко прозвучавший в нашей разночинской критике отзыв Добролюбова (отметившего, что Тютчеву доступна «и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но вопросами нравственными и интересами общественной жизни»)⁵, свидетельствовал о том, что поэзия Тютчева имеет не узко-классовое значение, что в истории литературы Тютчев со временем займет место не среди мертвых, а среди живых.

Символистам принадлежит воскрешение Тютчева как своего «родоначальника». Они много потрудились над изучением жизни и творчества поэта, но, восприняв его не только как своего литературного «предтечу», но и как «учителя жизни», они внесли в это изучение не мало крайнего субъективизма и внеисторичности.

Ныне Тютчев предстал перед судом нового читателя. И последний не оттолкнул этого «великого мастера» и «учителя поэзии для поэтов». Если в свое время политические стихотворения Тютчева не раз служили знаменем в руках реакции, то теперь мы обязаны взглянуть на творчество Тютчева с подлинно научной точки зрения и взять у него то, что он нам может дать. Славянофильство Тютчева не мешало Ленину относиться к его поэзии «с преимущественным расположением», «восторгаться» ею и включить Тютчева в список тех авторов, которых он желал иметь под рукой в своем кабинете в Совнарком⁶. Поучительный в наши дни опыт представляют в глазах современного критика и политические стихотворения Тютчева. А. Старчаков на страницах «Известий» впервые обратил на них внимание с совершенно новой стороны — со стороны формы. «Для нас в слове «агитка» есть что-то пренебрежительное, — пишет он. — Но Тютчев сумел дать ряд агиток, согретых пламенем подлинного вдохновения... Творчество Тютчева — блестящее доказательство того, что поэт может и должен быть бойцом»⁷.

Работы, появившиеся за послереволюционные годы, свидетельствуют о коренных сдвигах во всех областях изучения Тютчева. Крупным событием в нашем литературоведении является недавно вышедшее в издательстве «Academia» новое собрание стихотворений поэта. Тютчевский текст в полной мере испытал на себе превратности судьбы. Подробный обзор этой своеобразной судьбы может оказаться своевременным именно теперь, в связи с выходом в свет этого издания, представляющего до некоторой степени итог тех изысканий, которые произведены за последние десять-пятнадцать лет в области тютчевской текстологии.

Проблема тютчевского текста чрезвычайно осложнена тем подчеркнутым безразличием, которое сам поэт внешне проявлял к печатной судьбе своих произведений. Это отношение, однако, не было свойственно ему от природы. «Одобрение ближнего» не раз вызывало с его стороны искреннее удовлетворение. Конечно, Тютчев не был и по самому складу своего характера никогда бы не мог быть литератором. Но корни почти легендарного равнодушия Тютчева к своей литературной собственности кроются, прежде всего, в отсутствии той «животворной, воодушевляющей среды»⁸, в которой поэт постоянно нуждался. Отсюда — его болезненное недоверие к какому бы то ни было значению своих стихов, его пренебрежительные отзывы о своем «пустозвонном безделье», на ряду с «ребячески-отеческой заботливостью» об его «окончательном округлении»⁹. Этой заботливости все же недоставало на то, чтобы самому быть своим редактором и тем самым оставить нам окончательно утвержденный авторской волею печатный текст. Посмотрим, какова вследствие этого оказалась судьба тютчевского текста.

I. ТЮТЧЕВ В ПУШКИНСКОМ «СОВРЕМЕННОМ». — НЕКРАСОВ И СУШКОВ — РЕДАКТОРЫ ТЮТЧЕВА. — ТУРГЕНЕВСКОЕ ИЗДАНИЕ

Тютчев, как известно, рано выступил на литературном поприще. Четырнадцать лет он уже был автором печатного произведения — переложенного с латинского языка «Послания Горация к Меценату»¹⁰. Живя за границей, он продолжал делиться с «друзьями», главным образом со своим бывшим «ментором» С. Е. Раичем, своими новыми «поэтическими упражнениями». Печатались они почти исключительно в журналах и альманахах Раича и его круга. Однако говорить о сколько-нибудь широкой известности Тютчева в эти годы не приходится. За 1824—1831 гг. стихотворения его вызвали восемь скупых отзывов, из которых первый принадлежит не русскому, а иностранному журналисту: рецензент «Revue encyclopédique» сочувственно отозвался о тютчевском переводе из Ламартина «Одиночество», помещенном в альманахе «Новые Аониды» на 1823 г.¹¹. Первая действительная попытка ознакомления русских читателей

с творчеством Тютчева относится к 1836 г. В этом году в третьем томе пушкинского «Современника» появился цикл «Стихотворений, присланных из Германии», с подписью «Ф. Т.» и пометой после текста: Мюнхен. Вслед за этими шестнадцатью стихотворениями было напечатано еще восемь в четвертом томе журнала. Пушкин получил стихи Тютчева через посредство его мюнхенского приятеля кн. Ивана Сергеевича Гагарина, замышлявшего издать их отдельной книжкой.

Если последнее и осталось в то время неосуществленным, то нельзя не отметить, что в «Современнике» стихам Тютчева было предоставлено столько места, сколько не уделялось ни одному из поэтов, сотрудничавших в журнале. Вопрос об отношении Пушкина к Тютчеву, вызвавший было литературную полемику, в настоящее время может считаться решенным в положительном смысле. Наиболее убедительным в данном случае является сообщение Ю. Ф. Самарина: «Мне рассказывали очевидцы, в какой восторг пришел Пушкин, когда он в первый раз увидел собрание рукописное его стихов... Он носился с ними целую неделю...» Да и самый факт помещения в «Современнике» двадцати четырех стихотворений «присланных из Германии» уже достаточно красноречив¹².

Стихотворения «Ф. Т.» продолжали появляться на страницах «Современника» и после смерти Пушкина, вплоть до 1840 г., но любопытно, что за все это время они не вызвали в печати ни одного даже беглого упоминания. С 1840 г. инициалы «Ф. Т.» исчезают со страниц «Современника». Для Тютчева начинается период десятилетнего молчания. Он пишет, но не печатает.

Период этот прерывается в 1850 г. появлением статьи Н. А. Некрасова «Русские второстепенные поэты» в XIX томе «Современника»¹³. Статья посвящена стихотворениям «Ф. Т-ва», некогда помещенным в том же самом журнале, и является одной из самых восторженных оценок, когда-либо данных поэзии Тютчева в нашей критике. «Мы решительно относим талант г. Ф. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам», — заявляет Некрасов, — приводя в подтверждение целый ряд стихотворений поэта. При этом он распределяет их согласно установленному им самим делению тютчевских стихов по жанрам.

Обращая исключительное внимание на критическую часть статьи, исследователи до сих пор проходили мимо опубликованных Некрасовым текстов, вполне полагаясь на добросовестность перепечатки. Между тем значение некрасовской статьи отнюдь не исчерпывается критической ее стороной. Если Некрасов давно нам известен как критик Тютчева, то пора ему предстать перед нами и в качестве редактора Тютчева. Просмотр напечатанных Некрасовым стихотворений поэта приводит нас к самым истокам традиционного тютчевского текста. О поэтических произведениях Тютчева Некрасов судил исключительно по тем образцам, которые попались ему на глаза при перелистывании старых томов «Современника». «Поэтическая деятельность г. Ф. Т-ва, — отмечает Некрасов, — продолжалась пять лет, начиная с 1836 по 1840 год включительно. Впрочем, не можем сказать наверное, печатал или нет г. Ф. Т-в где-нибудь свои стихотворения прежде, чем начал издаваться «Современник». Тексты «Современника» следовательно были для Некрасова единственным источником для ознакомления с творчеством Тютчева. В своей статье он перепечатывает двадцать четыре стихотворения поэта целиком. При этом, не ограничиваясь простой перепечаткой, он подвергает некоторые из них редакторской переработке. Не всегда легко разгадать, какими соображениями руководствовался Некрасов, внося те или иные изменения в тютчевский текст; в каких случаях он считался со своим личным вкусом, и в каких — с желанием приблизить редактируемого им поэта к пониманию рядового читателя. Не исключена возможность совпадения того и другого. Так, например, явным желанием устранить смелую необычность образа вызвано исправление одной строки в стихотворении «Осенний вечер»: «Порывистый, холодный ветер порою...» вместо «Порывистый и ясный ветер порою...». В то же время совершенно непонятно, чем руководствовался редактор, заменяя в том же стихотворении предыдущую строку: «И как предвестье близящихся бурь» — иной: «И как предчувствие сходящих бурь...» Последнюю строку стихотворения: «Божественной стыдливостью страданья...» Некрасов также

приводит в измененной редакции: «Возвышенной стыдливостью страдания...». В стихотворении «Не то, что мните вы, природа...» Некрасов подверг переработке заключительную строфу. Из двух внесенных в нее исправлений одно произведено несомненно с целью уточнения рифмы, другое, повидимому, в целях упрощения синтаксического оборота.

ТЮТЧЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Не их вина: пойми, коль можешь,
Органа жизнь, глухонемой!
Души его, ах, не встревожит
И голос матери самой!...

НЕКРАСОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухо-немой!
Увы! души в нем не встревожит
И голос матери самой!

Последнее изменение стерло интересный пример одновременного воздействия на творчество Тютчева русской классической поэтики и поэтики немецкого романтизма (ср. напр. «Прогулка» Державина: «Не мысля, ах! о том...» и известный стих Гете «Zwei Seelen wohnen, ach, in seiner Brust...»). Исправление одной строки в стихотворении «Снежные горы», смягчившее первоначальную резкость образа, придало совершенно новую окраску всей последней строфе стихотворения:

ТЮТЧЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Горё, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

НЕКРАСОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Горё, как божества родные,
Над усыпленную землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

Между тем тютчевский вариант не только более выразителен, но и композиционно более оправдан, перекаиваясь со строкой «Наш дольний мир, лишенный сил» — в предыдущей строфе. Нельзя также признать удачным допущенное Некрасовым изменение одного стиха в стихотворении «В душном воздуха молчанье...»: «Чу! за белой, душной тучей...» вместо: «Чу, за белой, дымной тучей...», приведшее к совершенно ненужному — и притом на очень близком расстоянии — повторению однородного эпитета. Непонятны также причины, побудившие Некрасова внести две поправки в стихотворение «Давно ль, давно ль, о юг блаженный...»: «Родные призраки скользят...» вместо: «Святые призраки» и «Один господствует» вполне...» вместо: «Один здесь царствует...». Уж не уступка ли это цензуре?..

Статья Некрасова занимает исключительно видное место в судьбе литературного наследия Тютчева. Если, с одной стороны, появлением этой статьи было положено начало традиционному тютчевскому тексту, скрывшему на многие годы истинное письмо подлинника, то, с другой стороны, это была первая действительная попытка сделать творчество Тютчева достоянием «каждого любителя отечественной литературы», канонизовать этого заживо погребенного поэта. Некрасов при этом высказывает пожелание «чтобы стихотворения г. «Ф. Т.» были изданы отдельно». Загадочные инициалы скоро были разгаданы читателями «Современника». Так под непосредственным впечатлением от перепечатанных Некрасовым стихов «Ф. Т.» А. С. Хомяков писал А. Н. Попову: «Видите ли Тютчева? Разумеется, видите. Скажите ему мой поклон и досаду многих за его стихи. Все в восторге от них и в негодовании на него. Не стыдно ли молчать, когда бог дал такой голос?.. Он же насквозь поэт (durch und durch). У него не может иссякнуть источник поэтический. Пристыдите его молчанием»¹⁴. «Досада многих» расшевелила поэта. Он послал через кн. П. А. Вяземского ряд своих стихотворений в редакцию «Москвитянина». Три из них были напечатаны в первой апрельской книжке журнала со следующим несколько неожиданным примечанием: «Мы получили все эти стихотворения (вместе с десятью, которые будут помещены в следующем номере) от поэта, слишком известного (!) всем любителям русской словесности. Пусть читатели порадуются вместе с нами этим звукам и отгадывают имя»¹⁵. Во второй апрельской книжке «Москвитянина» действительно появилось восемь стихотворений Тютчева и три вошли в июльский выпуск журнала. Почти через год, в июне 1851 г., в том же «Москвитяnine» напечатано еще три стихотворения, а две пьесы были помещены в авгу-

стовской и ноябрьской книжках. Кроме того, в мае 1850 г. М. А. Максимович напечатал два стихотворения Тютчева в «Киевлянине», а Н. В. Сушков включил якобы «случайно попавшийся» ему перевод шиллеровских «Поминок» (в подлиннике «Das Siegesfest», что точнее передано Жуковским: «Торжество победителей») в свой «Раут» — литературный сборник на 1851 г. Согласно пояснению редакции, «Поминки» помещены в «Рауте» «без ведома автора»¹⁶. Большинство этих стихотворений написано



Ф. И. ТЮТЧЕВ

Дагеротип, 1840-х гг.

Музей им. Тютчева, Мураново

в период 1848—1851 гг. Следует отметить, что Тютчев в это время проявлял явный интерес к изданию своих стихов. Так, по поводу стихотворения «Святая ночь на небосклон взошла...», он писал, по всей вероятности М. П. Погодину: «В числе сообщенных вам пьес была одна с пропуском четырех стихов. Вот вам она сполна»¹⁷. Прямым свидетельством отнюдь не безучастного отношения Тютчева к своим стихам служат и следующие строки в его письме к Н. В. Сушкову: «...Я сердечно умилился при виде вашего писания, в вас по истине избыток христианской любви — неутомимая, неистощимая, всеобъемлющая попечительность... От кедра до исopa, от братниных поручений до моих стихов — подкидышей. Благоговею — и молчу...» (письмо от 24 октября

1851 г.)¹⁸. Речь идет о предполагавшемся отдельном издании стихотворений Тютчева, которое должно было быть выпущено редакцией «Раута». Издатель последнего Николай Васильевич Сушков был женат на сестре поэта. Ему легко было получить контрабандным путем для своего «Раута» тютчевские «Поминки». В следующем году сам Тютчев принес ему свою «лепту», состоявшую из пяти стихотворений, появившихся в «Рауте» на 1852 г. со следующим сообщением: «В нынешнем году будет напечатано полное собрание стихотворений Тютчева»¹⁹. Однако это издание также не состоялось, как не состоялось задуманное некогда издание Гагарина. И то и другое объясняется однородными причинами. Если появление стихов Тютчева в пушкинском «Современнике» было встречено дружным и упорным молчанием критики, то новые стихотворения его, печатавшиеся на протяжении 1850—1852 гг., вызвали не только сдержанно-холодные, но и прямо отрицательные отзывы, принадлежащие тому же «Современнику», на страницах которого талант Тютчева незадолго до того был провозглашен «русским перво-степенным поэтическим талантом». Нельзя не согласиться с Д. Д. Благим, что «поддерживать в Тютчеве первый его порыв к изданию своих стихов... такое отношение никак не могло»²⁰. В течение двух лет он вовсе не дает своих стихотворений в печать. В 1850—1851 гг. в «Москвитянине», «Киевлянине» и «Рауте» напечатано ровно столько же новых произведений Тютчева, сколько за весь период 1820-х годов. В 1852 г. появилось лишь пять стихотворений в сушковском «Рауте», при чем все эти пьесы были отосланы в редакцию еще в 1851 г. Наконец в 1853 г. не напечатано ни одного стихотворения.

Видимо в это время Тютчевым начинает овладевать то самое настроение, под влиянием которого он (по свидетельству А. А. Фета) «тщательно избегал не только разговоров, но даже намеков на его стихотворную деятельность»²¹. Не трудно поверить тому же Фету, утверждавшему впоследствии, что в 1854 г. И. С. Тургеневу «стоило большого труда выпросить у Тютчева» согласие на отдельное издание его стихов²². Сам Тургенев писал 10 февраля 1854 г. С. Т. Аксакову: «Я здесь уговорил Тютчева Ф. И. издать в свет собрание своих стихов»²³, а несколько лет спустя в шутовском экспромте заявил об этом как об одной из главных своих литературных заслуг: «Я Тютчева заставил расстегнуться...»²⁴. Однако это единственное, чего мог добиться Тургенев от Тютчева. Никакого участия, никакого интереса к этому изданию Тютчев, повидимому, не проявлял. На это указывает краткое предисловие открывающее маленькую книжечку его стихов, выпущенную в 1854 г. Тургеневым и заключающую сто одиннадцать пьес, предварительно напечатанных в XLIV и XLV томах «Современника»²⁵: «Получив от Ф. И. Тютчева право на издание его стихотворений, — читаем мы в этом предисловии, — редакция «Современника» поместила в этом собрании и те стихотворения, которые принадлежат к самой первой эпохе деятельности поэта и теперь были бы, вероятно, им самими отвергнуты» (достаточно убедительное свидетельство того, что составившегося первого издания его стихотворений оставался Тютчеву неизвестным).

Если поэт действительно не принимал в нем никакого участия, — а это, повидимому, несомненно, — то кому же принадлежат те многочисленные изменения, с которыми появились его стихотворения в издании 1854 г.? Этому вопросу посвящены две статьи: «Тургенев — редактор Тютчева» Д. Д. Благого²⁶ и «Судьба рукописей Тютчева» Г. И. Чулкова²⁷. Оба исследователя пришли к заключению, что встречающиеся в издании 1854 г. разночтения по сравнению с рукописями поэта и предыдущими печатными текстами представляют собою результат редакторской работы Тургенева. Поводом к этому предположению послужила склонность Тургенева исправлять чужие стихи и соответствие внесенных в текст изменений эстетическим взглядам редактора²⁸.

Теперь, однако, нам стал известен другой редактор Тютчева — Некрасов. Целый ряд приписывавшихся Тургеневу исправлений тютчевских стихов оказался принадлежащим Некрасову. В настоящее время вопрос о Тургеневе нуждается в новых уточнениях в связи с обнаруженными в Мурановском архиве материалами.

Исследователям Тютчева осталась неизвестной тетрадь тютчевских стихов, с которой должно было печататься второе неосуществившееся их издание, а именно издание Н. В. Сушкова. На первой странице карандашом рукою Н. В. Сушкова набросан сле-

дующий «проспект» издания: «1) Взять тетрадь у Анны, 2) Соврем[енник] 1836—1837 гг., 3) Галатею, 4) Бумага, как в «Рауте», 5) 12 стихов на страницу, 6) Каждую пьесу отдельно, 7) Все окрестить, 8) Кой что в «Раут», с объяснением». В этой тетради переписано 93 стихотворения Тютчева: 70 — неизвестной писарской рукой и 23 — рукой сестры поэта Д. И. Сушковой. Тетрадь открывается двадцатью четырьмя стихотворениями, перенумерованными римскими цифрами. Далее следует отдел, озаглавленный «Новые стихотворения» и заключающий произведения 1840-х—1850-х гг. Начиная со страницы 70-й, где между копиями писарской рукой встречается список рукой Д. И. Сушковой, хронологическая выдержанность нарушается и среди поздних стихотворений Тютчева попадаются стихотворения раннего времени²⁹. Находка этой тетради, очевидно относящейся к 1851—1852 гг., не только вносит ряд разъяснений в запутанную историю тютчевского текста, но и позволяет исправить ошибочную датировку некоторых стихотворений поэта.

Переходя к текстологическому рассмотрению сушковской тетради, следует отметить, что она заслуживает внимания прежде всего потому, что тетрадь эта была в руках Тютчева и имеет его поправки. На странице 12-й переписано стихотворение «Не то, что мните вы, природа...», но без третьего и четвертого стихов первой строфы. На этой же странице рукою Н. В. Сушкова написано карандашом несколько строк, обращенных к поэту, которому тетрадь была передана или дана на просмотр: «2 и 4 строфы пропущены. Не вспомните ли или не отыщет ли Плетнев в типограф[ии] «Современника». Сушков указывает на то, что в пушкинском «Современнике», где стихотворение было впервые напечатано, после каждой из двух первых строф поставлено четыре строки точек, обозначающих цензурный пропуск. Недостающие в первой строфе строки вписаны самим поэтом; им же сделаны и другие исправления: «чуждых сил» вместо «чудных» и «солиды» вместо «солнце», но пропущенных в «Современнике» 1836 г. двух строф он не вспомнил. Интересно, заметил ли он, что стихотворение было переписано в Некрасовской редакции? Кстати сказать, этим и объясняется пропуск двух строк в первой строфе стихотворения: именно так перепечатал его Некрасов. Другие исправления сделаны Тютчевым в тексте стихотворения «О волна моя морская...», переписанном рукою Д. И. Сушковой на 43—44 страницах тетради. Стихотворение это в издании 1854 г. было напечатано со следующими отступлениями от автографа:

строка 1	текст авт.:	О, волна моя морская,
	изд. 1854 г.:	Ты, волна моя морская,
строка 4	текст авт.:	Чудной силы ты полна,
	изд. 1854 г.:	Чудной жизни ты полна,
строка 14	текст авт.:	Будь угрюма яль светла,
	изд. 1854 г.:	То угрюма, то светла.

В издании «Избранных стихотворений Ф. И. Тютчева» Г. И. Чулков впервые напечатал стихотворение по автографу, отвергнув принятый всеми предыдущими изданиями текст «Современника», полагая, что эти изменения принадлежат И. С. Тургеневу. Однако в нашем списке все эти исправления сделаны самим поэтом; им же вписан и эпиграф: «Mobile comme l'onde». И. С. Тургенев не воспользовался только одной поправкой Тютчева в первом стихе четвертой строфы: «Будь же ты в стихии бурной...» и предпочел первоначальное чтение: «Будь верна стихии бурной...»³⁰.

Рассматривая сушковскую тетрадь, мы воочию убеждаемся в том, что Тургенев повинен в целом ряде изменений тютчевских стихов. Не менее видную роль в печатной судьбе тютчевского текста сыграл Николай Васильевич Сушков. Оставляя в стороне те исправления Сушкова, которые не пошли далее страниц его тетради, остановимся на тех его поправках, которые перешли в издание 1854 г. и таким образом надолго вкоренились в традиционный тютчевский текст.

Прежде всего обращают на себя внимание поправки, касающиеся ритмической стороны стиха. Сиротливые вольные метры Тютчева, не принятые при строфическом построении пьесы, но столь характерные для поэта, были подвергнуты суровому изгнанию. Так

последняя строфа стихотворения «Чему молилась ты с любовью...» в первоначальной записи сушковской тетради читалась так:

Ах, когда б живые крылья
 Души парящей над толпой
 Ее спасали от насилия
 Безмерной пошлости людской.

Против первой строки рукой Сушкова карандашом отмечено: «нет меры» и тут же предложено два варианта: «Ах, и когда ж живые крылья...» и «Ах, если бы живые крылья...». Второй вариант был впоследствии принят в тургеневском издании, а подлинный тютчевский текст оставался неизвестным до обнаружения настоящей тетради. Кроме указанного изменения в приведенной строфе рукой Сушкова сделана еще одна поправка: «бессмертной пошлости» вместо «безмерной». Однако в последнем случае трудно вполне ручаться за то, что это изменение принадлежит Сушкову, хотя и вписано его рукой. Дело в том, что слово «бессмертной» написано непосредственно под словом «безмерной» и представляется не столько поправкой, сколько вторым вариантом — на выбор. Совершенно так же в стихотворении «Колумб» над двенадцатой строкой: «С творящей силой естества...» вписан другой вариант: «живою силой». Между тем чтение это совпадает с автографом Тютчева. Возможно, что кроме рукописей, положенных в основу сушковской тетради, редактор пользовался дополнительными текстами некоторых стихотворений и иногда склонялся к комбинируемому их тексту. Предположение же, что все поправки сделаны Сушковым совместно с Тютчевым, может быть по его указаниям, должно быть безусловно отвергнуто. Против этого говорят хотя бы отметки Сушкова в роде: «нет меры» или письменное обращение к поэту: «не вспомните ли?». Надо думать, что тетрадь была в руках Тютчева после того, как ее корректировал Сушков, распространивший свои редакторские права не только на исправление описок переписчика, но и на устранение поэтических вольностей автора. По той же причине, что и стихотворение «Чему молилась ты с любовью...», обратило на себя внимание Сушкова знаменитое «Silentium!», переписанное в редакции пушкинского «Современника»: Сушков отметил крестиками все те строки, которые в издании 1854 г. превратились в правильный ямб, но сам исправил только один: «Дневные разгонят лучи...» в «Дневные ослепят лучи...». В большинстве случаев не трудно угадать, чем руководствовался редактор: таковы, например, следующие исправления, явно произведенные с целью выравнивания скандовки: «Прокатился глухо гром...» вместо «Глухо прокатился гром...» («В душном воздуха молчанье...»), «Ка прежде мною дорожит...» вместо «Мной, как и прежде, дорожит...» («Не говори: мня он, как и прежде, любит»), «От руки ты пал своей...» вместо «Пал ты — от руки своей...», «Дым и пар здесь все земное...» вместо «Дым, пар дымный все земное...» («Поминки»). В стихотворении «О, как убийственно мы любим...» Сушков заменил чисто тютчевское слово «слепость» («Как в буйной слепости страстей...») общепринятым «слепота» («Как в буйной слепоте страстей...»). По всей вероятности попытку уничтожения так называемого зияния или, как выражались в первой половине XIX столетия, «неприятного стечения гласных», представляют две поправки Сушкова: «Я там заслушивался пенья...» вместо «И я заслушивался пенья...» («Давно ль, давно ль, о юг блаженный...») и «Его души не озарила...» вместо «Души его не озарила...» («Наполеон»).

Что составляет несомненную ценность сушковской тетради — это возможность установить происхождение большей части помещенных в ней текстов. Первые двадцать четыре стихотворения списаны с копий, снятых Э. Ф. Тютчевой с некрасовских текстов и сохранившихся в альбоме семейного архива Тютчевых⁸¹. Двенадцать стихотворений, открывающих отдел «Новые стихотворения», переписано с собственноручных подлинников поэта, имеющих в том же альбоме. В сушковской тетради они следуют в том же порядке, что и в альбоме, и дают наиболее значительные особенности пунктуации подлинников. Некоторые несущественные отступления от автографов объясняются тем, что в рукописи поэта отдельные слова при недостаточной внимательности могут быть

прочитаны двояко. Так перешло из сушковской тетради в издание 1854 г. неправильное чтение двух строк в стихотворении «Итак опять увиделся я с вами...» («То, чем жил и чем я дорожил...» вместо «Все, чем я жил...») и «Вновь твои я вижу очи...» («Вдруг развеял сонный хлад...» вместо «Вдруг рассеял...»). По всей очевидности с того же альбома переписаны в сушковской тетради «Наполеон», «И опять звезда играет...» и «Под дыханьем непогоды...». Остальные копии, выполненные писарской рукой, сняты частью с автографов семейного архива Тютчевых и в таких случаях вполне с ними совпадают, частью с недошедших до нас текстов, несомненно вполне достоверных. Такие строки, как «... в буйной слепости страстей», или метрическая вольность в стихотворении «Чему молилась ты с любовью», не могут принадлежать никому, кроме самого поэта. Из списков Д. И. Сушковой семнадцать выполнены с печатных текстов «Современника» 1836—1839 гг., «Галатеи» 1829 г. и «Москвитянина» 1850—1851 гг., один («О волна моя морская...») с автографа и два («Первый лист» и «Дума за думой...») с неизвестных нам текстов. Особенного внимания заслуживает текст «Сна на море», со всей очевидностью свидетельствующий о том, что Тургенев неповинен в разрушении своеобразного тютчевского ритма. «Сон на море» в тексте сушковской тетради оказывается уже «вправленным» в традиционный амфибрахий, и, если не считать «свист а ли» вместо «свистели» в четвертом стихе, отличается от «тургеневской» редакции лишь чтением двух строк:

- | | | |
|-----------|---|--|
| строка 14 | { | сушк. тетр. И сонмы кипели безмолвной толпы... |
| | | изд. 1854 г. И чудился шорох несметной толпы... |
| | | |
| строка 17 | { | сушк. тетр. По высям творенья, как бог, я шагал. |
| | | изд. 1854 г. По высям творенья я гордо шагал... |

Открытым остается вопрос, принадлежит ли эта новая редакция «Сна на море» самому Тютчеву или же Сушкову. Поскольку тут приходится иметь дело с одними предположениями, характер внесенных в текст изменений скорее говорит в пользу второго. «Сон на море» переписан среди пьес, приложенных к сушковской тетради дополнительно к писарской копии. Весьма вероятно, что Н. В. Сушков предварительно подверг переработке текст «Сна на море», напечатанный в «Современнике» 1836 г., и лишь затем он был переписан Д. И. Сушковой. Во всяком случае «Сон на море» — пожалуй, единственный спорный текст сушковской тетради.

Несравненно сложнее обстоит дело с тургеневским изданием стихотворений Тютчева, появившимся в 1854 г. Какими текстами пользовался Тургенев? Не исключена возможность, что он имел в своих руках сушковскую тетрадь, и почти несомненно — альбом, происхождение которого не вполне выяснено и который хранится теперь в Мурановском архиве. Копии стихотворений, внесенные в этот альбом писарской рукой, за редкими исключениями совпадают с текстами сушковской тетради, но отличаются большей небрежностью. Списки альбома сделаны позже сушковских: это доказывается наличием в них почти всех поправок Сушкова (пропуск некоторых — повидимому знак невнимательности переписчика, незаметившего или не разобравшего его карандашных пометок на полях). Кроме того в двух-трех местах встречаются собственноручные поправки поэта, вошедшие в издание 1854 г., но явно позднейшие, чем его же исправления в сушковской тетради. Поправки эти отнюдь не говорят за то, чтобы поэт просмотрел весь альбом, изобилующий многочисленными описками, как то: замена одних букв другими с искажением смысла, перестановка или пропуск слов. Любопытно, что за редкими исключениями ошибки эти не попали в тургеневское издание. Так, например, вовсе не Тургенев, а переписчик выкинул одно слово из первой строки «Видения» («Есть некий час (в ночи) всемирного молчания...») — вряд ли для того, чтобы сознательно уравнивать количество стоп по образцу рифмующейся с ней строки. Но если ряд подобных искажений текста и может быть отнесен за счет неисправности списков, встречается в тургеневском издании не мало умышленных изменений. Исследователи, как

известно, склонялись видеть в этом редакторскую руку Тургенева. И действительно, в двух приглашенных строках «Silentium!»:

Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне
Как звезды ясные в ночи

(в автографе, «Современнике» 1836 и 1850 гг. и сушковской тетради:

Встают и заходят оне
Безмолвно как звезды в ночи...)

чувствуется как бы постороннее вмешательство, не столько даже из-за разрушения ритмических перебоев, сколько из-за несоответствия зрительного эпитета «звезды ясные» первоначальному образу (ср. также в тексте «Москвы» 1833 г.: «звезды мирные») ³². По тем же причинам, конми руководствовался Сушков, новый редактор мог заменить необычный эпитет «долгий цвет» общепонятным «ранний» («Так здесь-то суждено нам было...») или в угоду цензуре изменить строку «По высям творенья, как бог, я шагал...» («По высям творенья я гордо шагал...» — «Сон на море»), мог умышленно пропустить смелое сочетание «С их ветхим листьем изнуренным...» («Первый лист») и нарушить композиционный замысел автора заменой не менее смелого образа «И сонмы кипели безмолвной толпы...» («И чудился шорох несметной толпы...» — «Сон на море») ³³.

Однако может ли быть безоговорочно отвергнут текст тургеневского издания? В настоящее время среди некоторых наших литературоведов возникает стремление восстановить доверие к этому тексту, поколебленное работами Благого и Чулакова. Стремление это обнаружилось с достаточной определенностью, во-первых, в прениях по поводу нового издания на специально ему посвященном совещании при издательстве «Academia», и во-вторых, в статье Н. К. Гудзюна ³⁴. Имеются ли в действительности какие-либо веские доводы в пользу того, что не все отличия «тургеневских» текстов от других, может быть более авторитетных редакций — дело рук Тургенева? Наиболее существенные варианты встречаются в тексте тех стихотворений, которые, как сказано в предисловии, «принадлежат к самой первой эпохе деятельности поэта и теперь были бы, вероятно, им самим отвергнуты». Последние слова казались бы свидетельствуют о том, что Тургенев включил в свое издание такие произведения поэта, о которых сам автор в то время может быть даже и не помнил. В таком случае редактор должен был иметь в своем распоряжении печатные тексты «Северной Лиры», «Урании» и «Галатее», и, следовательно, все расхождения новых редакций с первопечатными текстами не могут приниматься во внимание, как плоды редакторского произвола. Между тем в издании 1854 г. впервые появился общеизвестный текст «Весенней грозы», напечатанной ранее в «Галатее» 1829 г. в иной, более краткой редакции. Однако стоит привести параллельно оба текста, чтобы не осталось малейшего сомнения в принадлежности Тютчеву второй редакции, столь богатой чисто тютчевскими аллитерациями и ассонансами:

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

Люблю грозу в начале мая:
Как весело весенний гром
Из края до другого края
Грохочет в небе голубом.

С горы бежит ручей проворный,
В лесу не молкнет птичий гам;
И говор птиц, и ключ нагорный,
Все вторит радостно громам.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,

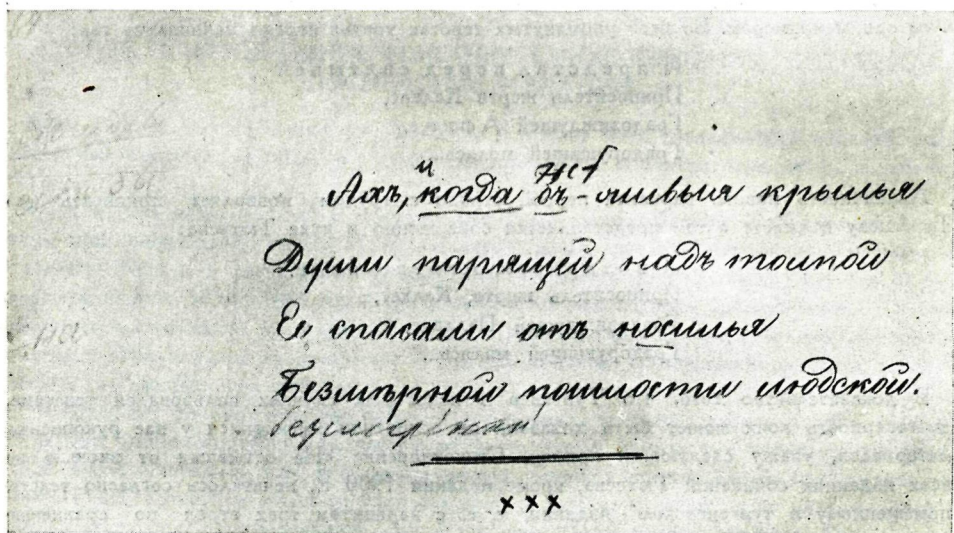
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный
Все вторит весело громам.

Последняя строфа («Ты скажешь: ветренная Геба...» и т. д.) осталась без изменений. Редактор нового полного издания стихотворений Тютчева Г. И. Чулков на этот раз перепечатывает в основном тексте редакцию тургеневского издания. «Как ни вольно обращался И. С. Тургенев с текстом редактируемых им поэтов, — пишет Чулков, — но едва ли и он посмел бы сочинить целую строфу, которой нет в «Галатее». Очевидно он пользовался каким-то автографом или списком, нам неизвестным»³⁵. В данном случае мы вправе поставить вопрос несколько иначе: важно не то, посмел ли бы Тургенев присочинить лишнюю строфу, а мог ли бы он или кто-либо другой, кроме самого автора, написать именно такую строфу. Ответ, кажется, ясен. Труднее, за неимением рукописей, датировать вторую редакцию «Весенней грозы». Нет никаких указаний на сношения Тургенева с поэтом в процессе подготовки и печатания его издания.

Цитированные строки тургеневского предисловия казались бы свидетельствуют о полном безучастии, проявленном Ф. И. Тютчевым к этому изданию. Нам известен, однако,



ПРАВКА Н. В. СУШКОВА В ТЕТРАДИ СТИХОТВОРЕНИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА, ПРИГОТОВЛЕННОЙ ДЛЯ ПЕРВОГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ИЗДАНИЯ

Музей им. Тютчева, Мураново

один случай переработки поэтом своего старого стихотворения, произведенной, повидимому, под живым еще впечатлением от статьи Некрасова. Я имею в виду впервые напечатанное в «Москвитянине» 1851 г. стихотворение 1820-х годов «Еще шумел веселый день...» Переработка его, насколько можно судить по автографу³⁶, относится уже к 1850-м годам, следовательно, к 1850—1851 гг. Если нет никаких оснований предполагать, чтобы первоначальная редакция «Весенней грозы» была заново переработана в расчете на тургеневское издание, то самый факт ее переработки именно в начале 1850-х годов представляется весьма вероятным. Нам остается только пожалеть, что Тургенев «пользовался каким-то автографом или списком, нам неизвестным». Г. И. Чулков прав, принимая в данном случае «тургеневский» текст, но настоящий пример заставляет прийти к следующим выводам: текст издания 1854 г. целиком не может быть отвергнут; всякий раз, как исследователю придется иметь дело с этим изданием, он должен взвешивать все данные, за и против того или иного текста, так как не лишено вероятия, что Тургенев располагал вполне достоверными, хотя и недошедшими до нас текстами и некоторых других стихотворений. С этой стороны убедительными представляются соображения Н. К. Гудзия насчет новой редакции пьесы «Могила Наполеона». Из

разночтений тургеневского издания по сравнению с первопечатным текстом наиболее существенным является вариант 9—10 стихов:

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

Еще гремит твоих побед

Отзывный гул в колеблющемся мире...

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

Давно ль умолк Перун его побед,

И гул от них стоит доселе в мире...

«Тургенев, да еще в 1854 году, — замечает Н. К. Гудзий, — никак не мог ввести в стихотворение слово «Перун». Это слово раннего Тютчева, еще не отделавшегося от классической поэтики...» Хотя подобные архаические выражения не удивляют нас и под пером зрелого Тютчева, соображения Гудзия в пользу принадлежности второй редакции стихотворения самому Тютчеву подкрепляются еще тем, что «Могила Наполеона» впервые появилась в «Галатее» 1829 г., где была напечатана и «Весенняя гроза». Весьма возможно, что к одному и тому же времени относится и переработка обоих стихотворений. Отмечу еще одно стихотворение Тютчева, помещенное в тургеневском издании в редакции, отличающейся и от автографа, и от первопечатного текста «Раута» 1851 г., и от списка сушковской тетради. Это перевод из Шиллера — «Поминки». Ограничусь одним примером. Во всех упомянутых текстах третья строфа начиналась так:

И предстал перед святыней
Приноситель жертв Калхас,
Градоизжущей Афинс,
Градорушащей молясь...

Архаичность нового варианта первой строки с трудом позволяет приписать его Тургеневу и вместе с тем представляется совершенно в духе Тютчева:

И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертв, Калхас,
Градоизжущей Палладе,
Градорушащей молясь...

В доказательство того, что Тургенев в некоторых случаях пользовался текстами, достоверность коих может быть доказана на основании имеющихся у нас рукописных материалов, укажу следующий пример. Стихотворение «Не остывшая от зною...» во всех изданиях сочинений Тютчева, кроме издания 1900 г., печаталось согласно тексту, помещенному в тургеневском издании, т. е. с вариантом трех строк по сравнению с автографом³⁷. Между тем оказывается, что два из них имеются в автографе, но зачеркнуты и заменены иными. В рукописи вторая строфа стихотворения читается так:

Словно тяжкие ресницы
[Разверзались порою]
Подымались над землею...
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
[Загорались над землею]
Загорались порою.

Третий вариант тургеневского текста — «От зарниц все трепетало...» вместо «Все в зарницах трепетало...» — правда, не находит подтверждения в автографе. Все же «тургеневская» редакция, не будучи окончательной, в целом не может возбуждать подозрений в ее «действительной принадлежности Тютчеву»³⁸. И Брюсов, следовательно, был прав, ссылаясь именно на это стихотворение, как на пример существенных изменений, которым Тютчев подвергал иногда первоначальные тексты своих стихов³⁹.

В итоге — высказанные здесь соображения в пользу некоторых отдельных текстов тургеневского издания отнюдь не исключают необходимости чрезвычайно осторожного отношения к нему. С выходом в свет издания 1854 г. устанавливается традиционный, но недостоверный текст значительнейших стихотворений, поэта. В особенности произведения, относившиеся к «времени золотому» его жизни, оказались подновленными целым

слоем позднейших подправок. Над этим постарались Некрасов, Сушков и редактор издания 1854 г. Все они, повидимому, так же разумели свои права редактора, как и П. И. Бартенев — известный издатель «Русского архива», предлагавший однажды В. Я. Брюсову исправить стихотворение Тютчева, ибо «издатель должен быть другом автору»⁴⁰. И если автор в данном случае мирился с тем, Сушков ли или «рука забвенья» исправляет его стихи, то современным исследователям Тютчева его прижизненные друзья-издатели задали нелегкую задачу восстановления подлинного тютчевского текста. В издании же 1854 г., на ряду с достоверными тютчевскими текстами, мы должны различать целый ряд некрасовских, некрасовско-сушковских, просто сушковских, сушковско-«тургеневских» и наконец «тургеневских» редакций. Наиболее неопределенным остается попрежнему вопрос относительно последних, поскольку нам известны далеко не все тексты, находившиеся в руках Тургенева. Вот почему, очищая тютчевский текст от посторонних наслоений, исследователь обязан проявлять сугубую осторожность и чуткость в отношении так называемых «тургеневских» редакций. Его работа должна быть работой опытного реставратора, чтобы, снимая «чуждые краски», не повредить и самой живописи подлинника.

II. ВТОРОЕ ПРИЖИЗНЕННОЕ ИЗДАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА. — ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Текст тургеневского издания был положен в основу всех последующих изданий стихотворений Тютчева, начиная со второго прижизненного и кончая берлинским изданием 1921 г.

В московское издание 1868 г., выпущенное сыном поэта Иваном Федоровичем Тютчевым при ближайшем участии И. С. Аксакова, вошли все стихотворения, помещенные в издании 1854 г. и сверх того семьдесят четыре пьесы, в большинстве случаев написанные в период 1854—1867 гг. (При этом в сборнике сделана попытка—весьма несовершенная — соблюсти хронологическое расположение материала). Сам поэт никакого участия в этом издании не принимал. «Не было никакой возможности, — рассказывает Аксаков, — достать подлинников руки поэта, для стихотворений еще не напечатанных, ни убедить его просмотреть эти пьесы в тех копиях, которые удалось добыть частью от разных членов его семейства, частью от посторонних. Между тем некоторые из этих копий были ошибочны, или несогласны между собой. Пришлось выбирать лучшие и печатать без всякого участия со стороны самого автора»⁴¹. Поэт даже не мог принудить себя перелистать присланное ему оглавление готовившейся книжки. «Оно пролежало у него месяц и было возвращено — не просмотренное; он даже и не взглянул на него»⁴². Однако ему пришлось-таки если не раскатыться в своей беспечности, то, по крайней мере, посетовать на свою лень. В Мурановском архиве сохранилось нежданное письмо самого поэта к дочери Е. Ф. Тютчевой от 26 марта 1868 г., написанное по получении первого присланного ему экземпляра. Привожу в переводе интересующий нас отрывок:

«...Повидимому мне суждено было испытать на себе истину изречения, что предаст человека домашний его — и вот на такого-то рода предательство, без сомнения совершенно неумышленное, я и собираюсь тебе жаловаться. Речь идет о только-что появившемся, весьма ненужном и весьма бесполезном издании сборника виршей, которые были годны разве лишь на то, чтобы их забыли. Но так как, несмотря на все отвращение, которое я принципиально к этому питал, я кончил тем, что дал на него свое согласие — из чувства лени и безразличия, то я и не имею права на это сетовать. Все же я имел основания надеяться, что издание будет сделано с известным разбором и что не напишут в один жиденький томик целую кучу мелких стихотворений «на случай», всегда представлявших лишь самый преходящий интерес данного момента; вновь же воспроизведенные, они тем самым становятся совершенно смешными и неуместными. Я отделалюсь тем, что окажусь в роли тех жалких рифмачей, которые глупо влюблены в малейший вырвавшийся у них стихок — и хоть я, пожалуй, и не совсем в таком положении, но уж примирюсь, без особого труда, из одного отвращения и безучастия,

даже с этой нелепой бессмыслицей. Но что в этой несчастной книжонке воспроизвели несколько строк по адресу князя Вяземского, позаботившись проставить в заголовке его имя, его собственное имя! — это, признаюсь, я нахожу уже слишком... и я умоляю настоятельно, чтобы, если возможно, меня избавили от неминуемых последствий этой проделки... Я попытаюсь временно приостановить продажу издания у здешних книготорговцев до тех пор, пока не будет исправлена эта удивительная оплошность, сохранив, если возможно, злосчастное стихотворение, но без упоминания Вяземского. Следовало бы позаботиться внести ту же поправку и в оглавление... И столько возни по поводу такого совершенно ненужного пустяка, от которого так легко было воздержаться! Бедный, милый Аксаков! Вот вся благодарность, которую он получит от меня за все свои старания...».

Стихотворение, о котором идет речь в этом письме, было написано Тютчевым в 1866 г. в ответ на стихи Вяземского, направленные против Каткова, но не были сообщены адресату. Тютчев поэтому имел особенные основания опасаться ссоры с Вяземским. По его настоянию стихотворение это было исключено из сборника, так же как и три других: «К N. N. при получении от него в подарок очков», эпиграмма «Как верно здравый смысл народа...» и «К портрету». Стихотворение «К N. N. при получении от него в подарок очков» было написано в результате следующего недоразумения. 20 декабря 1859 г. Тютчеву вручили от имени вел. кн. Константина Николаевича пакет, заключающий очки «для будущего бала». Этот непонятный подарок заставил его предположить, что по своей рассеянности он не заметил великого князя на одном балу и не поклонился ему. Задетый мнимым «уроком» Тютчев ответил Константину Николаевичу стихами, которые и были ему доставлены. Только тогда выяснилось, что присылка очков объяснялась предстоявшим костюмированным балом, на котором и Тютчев, и Константин Николаевич должны были появиться в розовых домино. Отличаясь слабым зрением и не желая быть узнанным по своим очкам, последний предписал всем розовым маскам надеть очки. Что касается двух стихотворных эпиграмм, исключенных из издания 1868 г., то хотя первая из них — направленная против гр. С. Г. Строганова — и была напечатана без всякого заглавия, но содержание ее легко могло быть понято в том самом кругу, к которому принадлежали и Тютчев, и Строганов; к тому же эпиграмма была помещена непосредственно вслед за стихотворением «На кончину е. и. в. государя наследника Николая Александровича», воспитателем коего был Строганов. Другая эпиграмма — «К портрету» — метила в князя А. А. Суворова; отнюдь неприкрашенный портрет последнего оказался, повидимому, слишком похожим, чтобы выставить его напоказ.

Любопытно, что сам Тютчев, несмотря на всю свою досаду, ограничился только приведенным выше письмом к Е. Ф. Тютчевой, всю остальную переписку по этому поводу вел с его близкие.

При оценке издания 1868 г. следует принимать во внимание те весьма неблагоприятные условия, при которых оно готовилось. Если в нем мы и не находим намеренных изменений текста (пропуск последней строфы стихотворения «Певучесть есть в морских волнах...», в которой Аксакову не нравилось иностранное слово «протест» — чуть ли не единственное на что решились редакторы), то наличие разных — часто не согласных между собою и не всегда исправных — копий не могло не стразить на текстологической ценности издания. И в отношении некоторых напечатанных в нем стихотворений мы в праве повторить то, что сказал сам поэт о всей книжке. Посылая ее Погодину, он писал:

Стихов моих вот список безобразный,
Не заглянув в него, дарю им вас.
Не мог склонить своей я лени праздной,
Чтобы она хоть вскольз им занялась.
В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
Так что ж тут хлопотать? Рука забвенья
Свершит и здесь свой корректурный труд.

Издание 1868 г. вызвало несколько сочувственных отзывов, но творчество Тютчева попрежнему продолжало оставаться достоянием избранных. Достаточно сказать, что издание это не было распродано еще в конце 70-х годов⁴³. Отчасти в силу этого обстоятельства новое собрание его стихотворений вышло лишь через десять лет после смерти поэта.

Семидесятые годы являются годами собирания литературного наследия Тютчева, что осуществляется преимущественно стараниями его близких. Немалую услугу в этом деле оказала выпущенная в 1874 г. биография Тютчева, написанная И. С. Аксаковым. Именно благодаря этой книге перешел в Россию основной фонд рукописного наследия Тютчева — и притом раннего периода его творчества. «Биография» была прислана кем-то мюнхенскому приятелю поэта кн. И. С. Гагарину, тогда священнику ордена иезуитов, проживавшему в Париже. Чтение книги Аксакова навело его на мысль, что среди хранившихся у него рукописей Тютчева могут находиться многие ни разу не напечатанные. Он списал две пьесы и послал их Аксакову. Как видно из дошедших до нас бумаг последние, эти два стихотворения были: «Вас развратило самовластье...» и «Как дочь родную на закланье...» — оба действительно неизданные. Вслед за этим Гагарин переправил Аксакову целый пакет с автографами и списками тютчевских стихотворений, копию одной составленной Тютчевым дипломатической депеши, копии с нескольких писем поэта к нему и с двух своих писем к Тютчеву.

По непонятным причинам Аксаков далеко не сразу воспользовался присланным ему сокровищем. Только два стихотворения — «Ты зрел его в кругу большого света...» и «Из чьей руки свинец смертельный...» — были, повидимому тотчас по получении, отданы в редакцию «Гражданина» и появились в номере от 13 января 1875 г. Лишь через четыре года, в пятом выпуске «Русского Архива», Аксаков поместил тридцать одно стихотворение Тютчева (перепечатав среди них и две пьесы, опубликованные в «Гражданине») со своим предисловием, а одно стихотворение — «Как дочь родную на закланье...» — было незадолго до того напечатано в третьем выпуске того же журнала. Эти тридцать два стихотворения вышли затем отдельной брошюрой (в настоящее время весьма редкой) под заглавием «Новонайденные стихотворения Ф. И. Тютчева» (М., 1879).

Далеко не во всех случаях стихотворения Тютчева были напечатаны Аксаковым согласно с подлинниками. Следует только различать, когда перед нами сознательные редакторские переправки и когда — результат недостаточно внимательного чтения. В общем же аксаковские поправки (принадлежность их именно ему, мне кажется, не подлежит сомнению) не столь существенны, но знаменательно, что и после смерти Тютчев не сразу освободился из под опеки своих редакторов.

«Новонайденными стихотворениями Ф. И. Тютчева», однако, вовсе не исчерпывалось неизданное стихотворное наследие поэта, собранное тогда уже в руках его семьи. Еще долгое время оставалось ненапечатанным многое из присланного Гагариным. Кое-что вошло в издание 1886 и 1900 гг., остальное было опубликовано лишь в течение последнего десятилетия Г. И. Чулковым и мною.

Первое посмертное собрание стихотворений Тютчева было выпущено в 1883 г. П. И. Бартевым («Стихотворения Федора Ивановича Тютчева. Новое издание, значительно дополненное. М., 1883»). В основу этого издания положен был сборник 1868 г., расширенный «Новонайденными стихотворениями» и некоторыми пьесами, опубликованными после смерти поэта преимущественно в «Русском Архиве». Не включены в издание переводы и ряд стихотворений раннего времени, в том числе «Могила Наполеона». Стихотворения размещены по тематическому признаку, что отмечено в оглавлении соответственными рубриками: «Природа», «Любовь», «Жизнь, История, Политика». Не отвечающее современным редакционным требованиям, издание это может быть признано удовлетворительным только в том отношении, что новым заведомым изменениям редактируемый текст подвергнут не был.

В конце 1885 г. П. И. Бартев вторично выпустил сборник стихотворений Тютчева того же типа, что и предыдущий («Стихотворения Федора Ивановича Тютчева. Новое издание. М., 1886»). Стихотворения распределены по тематическим отделам: «Природа»,

«Любовь», «Жизнь», «История, Политика», при чем заглавия отделов указаны и в тексте. Порядок стихов иной, чем в издании 1883 г. В отделе «История, Политика» стихотворения расположены хронологически, «так что (как сказано в предисловии) отдел этот представляет собою последовательную поэтическую летопись. В остальных отделах трудно, да и нет особой нужды, держаться хронологического порядка». Издание это немного полнее издания 1883 г., но в текстологическом отношении значительно ему уступает. Так например, стихотворения, состоящие из правильных строф, сплошь да рядом напечатаны слитно и, наоборот, в других случаях допущено совершенно произвольное деление пьес на строфы. Попадают и небрежности иного рода. Так например, под заглавием «Наполеон» объединено три стихотворения, относящихся к Наполеону: «Сын революции, ты с матерью ужасной...», «Ты ль это, Неман величавый...» и перевод оды Манцони «Il cinque maggio» — «Высокого предчувствия...». При этом три части первого стихотворения напечатаны как три разные пьесы и между двумя из них помещено стихотворение «Ты ль это, Неман величавый...».

Все недостатки этого издания повторены впоследствии в третьем бартеневском издании 1899 г.

Вскоре после появления рассмотренного издания вышло другое, подготовленное вдовой поэта Э. Ф. Тютчевой («Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи, СПб, 1886»). Издание это далеко от полноты, хотя ряд весьма значительных стихотворений и был в нем опубликован впервые. Впервые нашли место в собрании сочинений Тютчева и его четыре французские политические статьи. Первая из них первоначально была напечатана отдельной брошюрой под заглавием «Lettre à Monsieur le d-r Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle (Munich, 1844)». Один экземпляр этой редкой брошюры имеется в Публичной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Статья эта была перепечатана под заглавием «Россия и Германия» в 10-м выпуске «Русского Архива» за 1873 г., с русским переводом Ф. И. Тимирязева, проредактированным И. С. Аксаковым. Вторая статья, вызванная революционными событиями 1848 г., появилась впервые так же за границей — отдельной брошюрой, выпущенной в количестве 12 экземпляров⁴⁴ под следующим заглавием, явно придуманным издателем: «Mémoire présenté à l'empereur Nicolas depuis la révolution de fevrier par un russe employé supérieur aux affaires étrangères (Paris, 1849)». Статья сопровождалась комментарием французского политического деятеля бар. П.-Ш. де-Бургуэна. В 1873 г. она была перепечатана в 5-м выпуске «Русского Архива» под заглавием «Россия и революция» с переводом того же Тимирязева. Третья статья — «La Papauté et la Question Romaine» — была первоначально помещена в 1-м томе журнала «Revue des deux Mondes» за 1850 г., вторично — с русским переводом В. Н. Лясковского, частично переделанным Аксаковым⁴⁵, — в 5-м выпуске «Русского Архива» за 1886 г. Четвертая статья — «Lettre sur la censure en Russie», записка о цензуре, адресованная кн. А. М. Горчакову в 1857 г., — была опубликована еще при жизни Тютчева в 4-м выпуске того же журнала за 1873 г. — во французском подлиннике и в переводе Тимирязева.

В издании 1886 г. все эти статьи перепечатывались в тех же переводах, а в приложении был дан их французский подлинник.

Свои услуги для наблюдения за печатанием книги предложил поэт А. Н. Майков. Задачу свою он выполнил на редкость плохо. Издание во-первых изобилует опечатками. Далеко не полный список их приложен в конце книги. Вопреки предположению Г. И. Чулкова⁴⁶, основанному на встречающихся в рукописях Тютчева чужих пометах, Майков не имел в своем распоряжении автографов поэта. Весь текст был доставлен ему в копиях, выполненных Э. Ф. Тютчевой⁴⁷, которая в свою очередь лишь в единичных случаях прибегала к подлинникам и почти исключительно руководствовалась печатными текстами. О каком бы то ни было критическом с ее стороны отношении к тексту говорить, конечно, не приходится. И все же нельзя не отметить, что дошедшие до нас списки тютчевских стихов, сделанные Э. Ф. Тютчевой и составляющие целую объемистую тетрадь⁴⁸ (ею повидимому и пользовался Майков), несравненно чище, нежели тексты издания 1886 г. В отношении же датировок и расположения пьес в издании наблюдается существенное расхождение с этой тетрадью, при чем всегда

Сладокъ мнѣ твой таинъ ^иропотъ,
Молвий ласки и любви —

Внѣстелъ мнѣ и буйный ропотъ
Стоишь, вонизъ твоя

^{ты, вѣ}
Будь ~~варна~~ ^{стужа} стужа бурной —
^{ты} Будь чертмалъ иль свѣтлоса —
Но въ ночи твоей лазурной —
Сбереги это тѣ взяла —

И
не колыцо, какъ даръ Завѣтной —
Въ Знѣ твою я опустилъ,
и не каменъ самоцвѣтквей
я въ тебѣ похорошилъ.

Кто-то — въ минуту роковую
тайной прелести, влекошь,
вѣщу, вѣщу я живу
вхорошилъ не кто твоимъ. —

Апрѣль — 1852

в ущерб хронологической точности. В издании 1886 г. насчитывается до тридцати с лишним безусловно неверных дат (вплоть до отнесения к 1847 и 1863 гг. стихотворений, напечатанных в 1836—1839 гг.), не говоря уже о целом ряде не внушающих доверия. Произвольные и вызывающие сомнение пометы попадают и в тетради, но в меньшем количестве. Приходится недоумевать, чьей смелой рукой расставлены в издании 1886 г. эти даты, представляющие — по справедливому замечанию Чулкова — «источник постоянных разочарований»⁴⁹.

То, что Майков не ограничился простым наблюдением за печатанием книги, явствует из наличия в ней некоторых новых разночтений, не находящих подтверждения ни в списках Э. Ф. Тютчевой, ни в автографах самого поэта и вместе с тем не оговоренных в «опечатках». Таковы, например, перестановка слов в четверостишии «Когда пробьет последний час природы...»: «Разрушится состав частей земных...», вместо «Состав частей разрушится земных...» — перестановка такого же порядка, что и Сушковское выравнивание стиха (в данном случае — уничтожение инверсии), или новое чтение заключительной строки «Сна на море»:

И в тихую область видений и снов
Врывались тени ревуших валов

(вместо: «Врывалась пена ревуших валов»).

Вряд ли тут не сознательное изменение. В этом, к тому же, не было бы ничего удивительного: Майков находил, что поэтическое наследие Тютчева нуждается в строгом «отборе» для печати⁵⁰. Не его ли вмешательством объясняется исключение из нового издания четырех стихотворений поэта, печатавшихся в предыдущих изданиях? Эти четыре пьесы, переписанные Э. Ф. Тютчевой вместе со всем остальным, но пропущенные в издании 1886 г., следующие: «Неохотно и несмело...», «Уж третий год беснуются языки...», «Ты взял свой день... Замеченный от века...» и «Как насаждения Петрова...». Между тем попало в сборник два стихотворения, не принадлежащих Тютчеву: отрывок из стихотворения П. А. Вяземского «Ночь в Венеции» («По зеркалу зыбкого дола...»), когда-то переписанное Э. Ф. среди стихов мужа и теперь принятое ею за его собственное произведение, и «Подражание Арабскому», напечатанное в альманахе «Северные Цветы» на 1827 г. с подписью Тютчева, но по печатному разъяснению А. А. Дельвига принадлежащее поэту А. Г. Ротчеву⁵¹; неверная подпись — результат оплошности редактора.

Что касается расположения материала, то в издании 1886 г. стихотворения разбиты на три отдела: произведения 1820—1836 гг., 1837—1873 гг. и переводы. Согласно пояснению редакции «в отделе 1820—1836 гг. помещены стихотворения, относящиеся к этому периоду жизни Ф. И., которых даты не могут быть определены с точностью, или совсем неизвестны». В конце книги помещены политические статьи. К изданию приложены портрет поэта и снимок с его автографа.

Существенные недостатки издания 1886 г. не укрылись и от самой издательницы. Неудовлетворенная своим изданием Э. Ф. Тютчева занялась разбором и приведением в порядок рукописей поэта в расчете на новое издание. Оно было осуществлено в 1900 г. — уже после ее смерти.

В 1899 г. вышло третье бартеневское издание стихотворений Тютчева («Стихотворения Федора Ивановича Тютчева. Издание «Русского Архива», М., 1899»), составленное по тому же типу, что и два его предшественника и соединившее все недостатки московского издания 1886 г. с некоторыми недостатками петербургского. Стихотворения разбиты по тем же трем тематическим отделам, что и в издании 1883 г. После текста в скобках помечена дата пьесы или время ее первого появления в печати — не всегда точно. Маленькое предисловие представляет собою переработку предисловия к предыдущему изданию. Сборник дополнен рядом стихотворений, извлеченных из петербургского издания 1886 г. (вплоть до перепечатки стихов Вяземского) и других источников, но далеко не исчерпывает всего стихотворного наследия Тютчева, опубликованного к этому времени. Переводы снова остались за пределами книжки. Бесцеремонность в обращении с текстом доведена в ней до крайних пределов: наблюдаются случаи слияния

двух стихотворений в одно, наряду с произвольным отсечением нескольких строк и даже строф. Очевидно все это редактор считал знаком своей «дружбы» к автору.

Некоторым шагом вперед в деле редактирования Тютчева является издание 1900 г., выполненное по завещанию Э. Ф. Тютчевой и посвященное ее памяти («Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. С портретом и снимком с рукописи автора. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 1900»). Издание это, как сказано в предисловии, подписанном И. Ф. и Д. Ф. Тютчевыми, «составлено при просвещенном содействии библиографа А. А. Флоридова, по рукописям, тщательно собранным и приведенным в порядок женой поэта...». Стихотворный текст открывается шестью стихотворениями, посвященными Э. Ф. Тютчевой. За ними следует основной отдел книги — «Стихотворения 1820—1873 гг.», а затем «Переводы», «Стихотворения на французском языке», «Политические статьи», «Приложения (политические статьи в подлиннике)» и наконец «Краткие примечания к стихотворениям», занимающие всего лишь шесть страниц и ограничивающиеся самыми сжатыми библиографическими данными. В расположении стихов сделана попытка выдержать хронологический порядок: многие стихотворения снабжены датами; при этом пометы, заключенные в скобки, «означают лишь приблизительную дату». Издание 1900 г. значительно полнее предыдущих: ряд стихотворений напечатан в нем впервые, другие были отысканы в старых поврежденных изданиях. Стихотворения Вяземского и Ротчева — теперь однако в последний раз — снова перепечатывались как тютчевские.

При всей своей методологической невыдержанности издание 1900 г. все же выгодно отличается от предшествующих. Правда, настоящей серьезной работы над редактируемым текстом в нем еще не заметно; от тех выводов, к которым пришли позднейшие исследователи — отчасти путем изучения именно этих рукописей — редактор еще очень далек, в основном оставаясь верен традиционному тексту. Но нельзя не признать несомненной заслугой Флоридова, что, несмотря на это, он счел возможным отступить от него в целом ряде отдельных случаев и предпочесть записанному тексту подлинное чтение автографа или иного печатного текста — в наших глазах более авторитетного. Благодаря этому ему удалось избежать различных умышленных изменений или случайных погрешностей прежних изданий и дать вполне достоверные редакции некоторых тютчевских стихотворений («Снежные горы» — без поправки Некрасова, «Не остывшая от зною...» — окончательная редакция по автографу, «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» — без поправки Сушкова, и др.). Флоридов, как видим, был близок к тому пути, по которому пошли современные исследователи тютчевского текста, но он сбился с дороги и повернул в опасную сторону. Не принимая целиком традиционной редакции того или иного стихотворения, он прибегал к сводке традиционного текста с автографом или первопечатной редакцией. Никаких поправок от себя он при этом, повидимому, не допускал (спорным в данном случае является разве лишь происхождение приглаженных редакций предсмертных стихов поэта). При всей неприемлемости флоридовского метода в его комбинированных редакциях (см напр. «В душном воздухе молчанье...», «Осенний вечер», «Итальянская вилла») было все же несравненно больше подлинного Тютчева, чем в традиционном тексте, долгое время еще внушавшем к себе безграничное доверие.

С этой стороны весьма любопытна статья В. Я. Брюсова «По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева»⁵². «Новое издание сочинений Тютчева, — пишет Брюсов, — поставило себе задачей дать полное собрание его стихов. Полнота собрания, повидимому достигнута; конечно, могут еще найтись затерянные стихи Тютчева, но надо думать, что их осталось немного... Гораздо меньше сделано для установления верного чтения стихов Тютчева; можно сказать, что новое издание внесло в этом отношении новую смуту». Критик досаждает на то, что «целый ряд общеизвестных стихотворений появился в новом издании в совершенно необычном виде», тогда как «во всех предыдущих собраниях за основное чтение принималось всегда позднейшее чтение изданий». В полной достоверности этого позднейшего чтения, в том, что первоначальные редакции стихотворений были впоследствии отвергнуты и переделаны самим поэтом, Брюсов ни минуты не сомневался. Поэтому отступления Флоридова от

традиционного текста к автографу или тексту первопечатному рассматриваются Брюсовым как примеры «особенно чувствительных» изменений. Правда, Флоридов, за редкими исключениями, не указывает, по какому тексту печатается то или иное стихотворение, и совершенно утаивает основания, побуждавшие его предпочесть один текст другому. Так, например, печатая по автографу стихотворение «Не остывшая от зною...», он не отметил в примечаниях, что сохранившийся своеручный подлинник Тютчева по всем вероятностям является последней редакцией стихотворения, помещенного в издании 1854 г. с двумя строками, явно отвергнутыми автором, так как в автографе они зачеркнуты и заменены иными. Между тем скрыв от читателей «происхождение» новой редакции, он тем самым навлек на себя нарекания со стороны Брюсова за то, что стихотворение «Не остывшая от зною...» напечатано не в той обработке, которую «все знают из школьных хрестоматий». Несправедливые сами по себе нападки Брюсова оказываются тем не менее вполне понятными.

Точка зрения Брюсова была целиком принята редактором первого «полного собрания» сочинений Тютчева П. В. Быковым. В предисловии к выпущенному в 1912 г. изданию Тютчева («Ф. И. Тютчев, Полное собрание сочинений с критико-биографическим очерком В. Я. Брюсова, библиографическим указателем, примечаниями, вариантами, факсимиле и портретом. Издание шестое⁵³, исправленное и дополненное, редакция издания П. В. Быкова, СПб., издание т-ва А. Ф. Маркс») он писал: «...текст стихотворений вновь тщательно проверен и исправлен, при чем руководящим изданием принято вышедшее в 1854 году, при участии И. С. Тургенева, и уже получившее право гражданства». Стихотворный текст разбит в новом издании на четыре отдела: лирические стихотворения (1820—1873), политические стихотворения, французские стихотворения и переводы и подражания (1819—1869). В трех первых отделах стихотворения размещены более или менее в хронологическом порядке, в четвертом — по авторам. После политических стихотворений напечатаны — по ошибке без шмуцтитла — три пьесы, посвященные Э. Ф. Тютчевой и почему-то (очевидно по примеру предыдущего издания) выделенные из отдела лирических стихотворений; после переводов помещено случайно пропущенное в основном тексте четверостишие «Нам не дано предугадать...» Далее идут: политические статьи — в переводе и в подлиннике, приложения (из «тютчевяны» — различные остроты Тютчева), примечания и варианты (за исключением примечаний к политическим статьям, следующих непосредственно после текста подлинников) и библиография произведений Тютчева.

«Полное собрание сочинений» Тютчева под редакцией Быкова выдержало четыре издания. Вторично оно было переиздано в виде приложений к журналу «Нива» на 1913 г. в трех выпусках (издание т-ва А. Ф. Маркс, СПб., 1913; без факсимиле стихотворений). При перепечатке произведена была некоторая перегруппировка материала, в приложении помещены стихотворения Полонского, Фета, А. Майкова и Апухтина, посвященные поэту, и несколько дополнены отдел «тютчевяны» и библиографический указатель.

Такое же расположение материала произведено и в двух последующих изданиях — седьмом, вновь пересмотренном, и восьмом. Оба издания совершенно тождественны. Повидимому эти два издания на самом деле являются одним и лишь на титульном листе помечены как два разных.

Что касается самого текста, то полного совпадения между этими четырьмя или, вернее, тремя изданиями нет. На первый взгляд может показаться, что новый пересмотр текста привел к его действительному уточнению и упорядочению, но впечатление это ошибочно. Не говоря уже о множестве простых небрежностей редактора, иногда доходящих до прямых нелепостей (в роде, например, чтения 85 строки стихотворения «Уrania»: «...оратай бесплодно ноющий во пламенных песках» ...вместо «роющий»; чтение это попало во все издания под редакцией Быкова и позднее в берлинское издание 1921 г.), в новом издании наблюдается не мало случаев заведомого искажения тютчевского текста, конечно под видом его «тщательной проверки и исправления».

Так, например, в стихотворении «Сей день, я помню, для меня...» в двух строках

произведена перестановка эпитетов, вследствие чего смелые и свежие образы превратились в изношенные литературные штампы:

И вдруг, как солнце золотое, (вместо «молодое»)
Любви признание молодое... (вместо «золотое»)

В приложении к «Ниве» изменена начальная строка стихотворения «Первый лист»: «Лес зеленеет молодой...» вместо «Лист зеленеет...»; в примечаниях при этом отмечено: «В «Современнике» 1854 г. в первом слове первой строки явная опечатка, повторенная во всех изданиях («Лист» вместо «Лес»), которая и исправляется в нашем издании». Такое же примечание сделано и в седьмом (восьмом) издании, но в текст исправление не внесено. Утверждение Быкова опровергается наличием подлинной рукописи поэта. Таких «явных опечаток» П. В. Быков заметил и «исправил» несколько: во всех случаях его замыслы не выдерживают критики. Нельзя при этом не отметить, что, ссылаясь на какую-нибудь рукопись, редактор далеко не всегда в точности ей следовал.

Сказанного достаточно, чтобы судить о научной ценности марковских изданий Тютчева. Между тем внушительная внешность объемистого тома, снабженного всеми атрибутами «академического» издания (и надо сказать, что библиографический указатель и произведенная Быковым сводка вариантов, при всех своих погрешностях — недостаточной полноте, неточности ссылок и пр. — все же значительно облегчили работу позднейших исследователей), явным образом подкупила рецензентов. Тютчев, казалось, был издан по всем правилам самой строгой редакционной техники. «Сверка текста с подлинными рукописями, — заявлял один рецензент, — едва ли внесла бы какие-либо существенные изменения в ныне установленный текст»⁵⁴.

Совершенно понятно, что выпущенное берлинским книгоиздательством «Слово» собрание стихотворений Тютчева («Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Книгоиздательство «Слово», 1921») явилось в сущности простой перепечаткой с шестого издания Маркса, с той только разницей, что политические стихотворения не были выделены в особый отдел. Примечания и варианты отсутствуют, но многие стихотворения снабжены датой после текста. Все издание, начиная с вступительного очерка носит вполне дилетантский характер.

Однако не нужно было обращаться и к рукописям поэта, за немногими исключениями оставшимися вне поля зрения Быкова, чтобы вскрыть всю научную шаткость нового издания. Д. Д. Благому первому принадлежит честь критического отношения к традиционному тютчевскому тексту. В своей университетской диссертации, послужившей материалом для ряда его позднейших статей о Тютчеве, путем сопоставления первопечатных текстов с их последующими редакциями — в глазах Брюсова и Быкова «уже получившими право гражданства» — Благой доходит до выводов о постороннем вмешательстве в тютчевский текст⁵⁵. Правда, не догадываясь о поправках, произведенных Некрасовым, и не зная ничего о роли Сушкова как редактора Тютчева, он приписывает «выправление» тютчевского текста всецело одному Тургеневу. Но нельзя не признать, что точка зрения Благого являлась значительным шагом вперед в области изучения тютчевского текста. Окончательный и коренной поворот в этом отношении происходит уже в послереволюционные годы.

III. ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ ТЮТЧЕВСКИХ ТЕКСТОВ. — НОВОЕ ИЗДАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА

Критическое отношение ко всем перечисленным выше изданиям Тютчева неизбежно должно было привести к выводу о необходимости нового пересмотра тютчевского поэтического текста с целью его переиздания. Первые же годы после революции создают для этого чрезвычайно благоприятные условия.

Прежде всего оказалась разрушенной создавшаяся в литературных кругах легенда об отсутствии — за очень небольшими исключениями — подлинных рукописей стихотворений Тютчева. Г. И. Чулков получил доступ к крупнейшему фонду его стихотворного наследия — семейному архиву Тютчевых. Открытие музея имени Тютчева в Муранове,

подмосковной усадьбе, с обширным архивом, являющимся основным хранилищем эпистолярного наследия поэта, не только ускорило, но и придало известную планомерность сложной задаче выявления и разработки архивных материалов, касающихся жизни и творчества Тютчева.

Пятидесятилетний юбилей со дня смерти поэта (1923) также не мало способствовал оживлению интереса к поэзии Тютчева и к постановке ее изучения на действительно научную основу. Госиздат поручает Г. И. Чулкову подготовить полное собрание его стихотворений, первое критически-проверенное издание, дополненное рядом новооткрытых произведений. По техническим причинам издание это не было выпущено к юбилею и выход его затянулся ровно на десять лет. Вместо него появился сборник «Избранные стихотворения Тютчева» (редакция, примечания и биография Георгия Чулкова, М.-П., ГИЗ, 1923). Хотя издание это и не давало цельного поэтического облика Тютчева (в сборник не были включены ни политические, ни переводные его стихотворения; Тютчев — лирик — однако был представлен в нем с достаточной полнотой), но зато оно обнаружило совершенно новые редакционные принципы, в корне отличающиеся от тех, коими руководствовались прежние редакторы Тютчева. В основу нового издания был положен текст автографов поэта, лишенный чьих бы то ни было позднейших поправок. В тех случаях, когда автографа того или иного стихотворения не сохранилось, Чулков предпочитал первопечатное чтение и лишь в единичных случаях давал «традиционный» текст, т. е. текст установившийся с тургеневского издания 1854 г.

Не вхожу здесь в подробное рассмотрение юбилейного издания, так как итогом текстологических работ редактора, исправившим некоторые недочеты других его публикаций тютчевских текстов, явилось двухтомное собрание стихотворений поэта, которое я и подвергаю ниже обстоятельному разбору.

За пределами «Избранных стихотворений» остались однако все те новинки тютчевского стихотворного текста, которые, начиная с 1922 г., появлялись на страницах советских изданий. В том же 1922 г. пятнадцать эпиграмм и стихотворных шуток были опубликованы в специальном сборнике, подготовленном к печати внуками поэта, под заглавием «Тютчевiana. Эпиграммы, афоризмы и остроты Ф. И. Тютчева» (предисловие Георгия Чулкова. М., изд. «Костры», 1922). Из этих пятнадцати летучих стихотворений только одно уже было напечатано ранее, но не попало в старые издания.

Более полная сводка новонайденных стихотворений поэта дана в книге «Новые стихотворения Тютчева» (редакция и примечания Георгия Чулкова, М.—Л., изд. «Круг», 1926). В это издание вошло тридцать девять пьес, не включенных в старые издания. «Новым стихотворениям» предпослана статья Чулкова «Судьба рукописей Тютчева», первоначально напечатанная в «Тютчевском сборнике». Тексты разбиты на три отдела: основной («тексты»), «fragmenta et dubia» и «senilia»; каждый из двух первых отделов снабжен примечаниями.

Не останавливаясь на этом издании по тем же причинам, что и на «Избранных стихотворениях», перехожу к новому изданию Тютчева («Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Редакция и комментарии Георгия Чулкова, вступительная статья Д. Д. Благого, т. I—II, М.—Л., изд. «Academia», 1933—1934»), появление которого нельзя не признать крупным литературным событием.

Прежде всего, — это самое полное из всех существующих изданий Тютчева, хотя может быть правильнее было бы, в виду необозримости наших архивных недр, не писать на заглавном листе «Полное собрание стихотворений», принимая во внимание всю условность этого обозначения. Возможность новых единичных находок не исключена и впредь. Доказательством тому служит стихотворение «Императору Николаю I» (см. выше в моей работе «Тютчев и проблемы внешней политики царской России»), обнаруженное уже по выходе этого издания.

Каковы же новые приобретения тютчевского поэтического текста, сделанные за последние двадцать лет, т. е. за период истекший со времени появления марковского издания?

В недавно вышедшем издании «Academia» включено шестьдесят стихотворений, не

входивших в прежние собрания, не считая одиннадцати пьес, отнесенных к разряду *dubia* и целого ряда неизданных вариантов, имеющих самостоятельное художественное значение.

Поэтическое наследие Тютчева обогатилось, во-первых, шестью юношескими стихотворениями; произведения этих годов дотоле оставались нам почти неизвестными. Наиболее интересным из них является ода «На новый 1816 год» — яркий образец воздействия классической традиции на творчество молодого Тютчева. Г. И. Чулков



Н. В. СУШКОВ — РЕДАКТОР ПЕРВОГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ИЗДАНИЯ
СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА
Миниатюра Муратова, 1852 г.
Исторический Музей, Москва

с достаточным основанием склонен видеть в этой оде считавшееся утраченным стихотворение «Вельможа», за которое поэт был избран сотрудником Общества любителей российской словесности.

Вторым существенным приобретением следует признать переводы (три перевода из 1-й части «Фауста» Гете, два перевода из Гейне: «Закралась в сердце грусть — и смутно...» и стихотворное переложение одной из глав 3-й части прозаических «Reisebilder», отрывок из «Todtenkränze» Цедлица и др.), несколько не уступающие ранее

известным и во многих отношениях заслуживающие самого пристального внимания.

Наконец, в-третьих, мы — имеем несколько новых эпиграмм, ярко дополняющих различные высказывания Тютчева на общественно-политические темы: таковы, например, эпиграмма-эпитафия Николаю I «Не богу ты служил и не России...» или эпиграмма на цензурное ведомство «Печати русской доброхоты...» Гораздо менее значительны более крупные по размеру политические и лирические стихотворения и совсем относительную ценность представляют многочисленные стихотворные шутки, поздравительные телеграммы, альбомные записи.

Особо следует остановиться на отделе *dubia*. Некоторые пьесы, по моему мнению, отнесены туда по не совсем понятной осторожности. Бесспорно должна быть изъята из отдела *dubia* следующая эпиграмма:

Затею этого рассказа
Определить мы можем так:
То грязный, русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.

Эпиграмма эта напечатана по списку М. Ф. Тютчевой, имеющему перед текстом помету: «На Казаки (повесть Толстого)», а после текста дату: 1862. Если заключающаяся в этой эпиграмме оценка «Казаков» и поражает своей субъективностью, то нет никаких оснований сомневаться в ее принадлежности Тютчеву. Г. И. Чулков сопровождает помету «1862» вопросительным знаком, т. е. принимает ее условно и предположительно. Эта осторожность также не оправдывается, ибо как раз в 1862 г. «Казаки» появились в печати. Примечание Г. И. Чулкова: «Повесть Толстого «Казаки» относится к 1852 г.» — не совсем верно. «Казаки» были начаты в 1852 г., но завершены лишь в 1861—1862 гг. Последний аргумент в пользу отнесения пьесы к разряду *dubia* — недоверие к точности записи — здесь также не может иметь места. Целый ряд неизданных стихотворений Тютчева (например, эпиграмма на Николая I), извлечен из того же альбома его дочери и списки ее являются их единственным рукописным источником, не подающим повода к сомнениям и в остальных случаях не возбуждавшим подозрений со стороны редактора. Столь же мало оснований сомневаться в принадлежности Тютчеву французского четверостишия «Lamartine» и отрывка «За нашим веком мы идем...». Недоверие к достоверности текста на этот раз вовсе исключается в виду наличия автографов.

Из стихотворений, отнесенных к разряду *dubia*, действительно большие сомнения вызывает пьеса «Я не ценю красот природы...», напечатанная впервые П. В. Быковым в его воспоминаниях о Тютчеве. Автограф будто бы был вручен ему самим поэтом, когда последний был «глубоко удручен потерей дочери и особы, горячо им любимой» (Е. Ф. Тютчевой и Е. А. Денисьевой), т. е. в 1865 г. Ничто однако не подтверждает близости Тютчева с Быковым. В то же время представляется весьма странным, что Быков не включил этой пьесы в редактированное им «полное» собрание сочинений поэта. Во всяком случае, до тех пор, пока автограф этого стихотворения остается неизвестным, вряд ли можно — несмотря на некоторые «тютчевские» строки — с уверенностью считать его действительно тютчевским.

Перейдем теперь к критике нового издания с текстологической точки зрения.

«Главною целью нашего труда, — сообщает редактор в предпосланной I тому статье «Об издании стихов Тютчева», — является опубликование по возможности совершенного, критически-проверенного текста стихотворений Тютчева. Само собою разумеется, что эта возможность определяется прежде всего теми материалами, которыми в настоящее время мы располагаем... Мы поставили себе задачу проследить тщательно историю текста каждого стихотворения как рукописную, так и печатную, взвесить все данные в пользу той или иной редакции и принять для основного текста ту, которая наиболее была бы гарантирована от иных «нетютчевских» исправлений или искажений». Отмечая, что по отношению к стихотворениям Тютчева общий редакционный принцип, «требующий опубликования последнего прижизненного текста», оказывается неприемлемым, в виду текстологической недоброкачественности второго прижизненного

издания Тютчева 1868 г., Г. И. Чулков ищет «не столько последней редакции той или иной пьесы, сколько подлинной тютчевской редакции». Он предпочитает поэтому напечатать иногда «первоначальный тютчевский текст, чем иной позднейший, опасаясь, что эта позднейшая редакция заключает в себе что-либо нетютчевское, какие-либо «исправления», сделанные редакторской рукой». Особо останавливается редактор на своем методе печатания текста. «Мы всегда старались дать текст цельный, в одной из тех редакций, которые были приняты самим поэтом. Мы решительно отказались от каких-либо исканий комбинированного текста, и в тех, правда редких, случаях, когда мы не могли дать по автографам единой законченной редакции, мы предпочитали вовсе не давать в основном тексте текст сомнительной редакции и переносили в примечания черновик в нашей транскрипции, не утаивая от читателей пробелов или неясностей подлинника. Замаскированных нашими домыслами стихов у нас нет... Может быть нас будут упрекать в том, что мы извлекли из первого основного отдела такие пьесы, которые должны были бы там остаться и напрасно перенесли их в отдел стихов незавершенных или стихов сомнительных, но зато мы старались не заслужить упрека в том, что предложили читателю, как нечто завершенное, стихи неоконченные».

Я нарочно привел здесь пространные выдержки из статьи Чулкова, так как они послужат для нас исходной точкой при критике его издания. Нельзя не отметить, что Г. И. Чулков, как редактор Тютчева, заслужил бесспорное право на благодарность со стороны исследователей поэта. Им проделана большая работа по изучению тютчевского текста, произведена кропотливая свodka вариантов. В результате новое издание Тютчева должно быть признано лучшим из всех существующих изданий его стихотворений, первым их собранием, действительно отвечающим требованиям текстологии. Но чем ближе оно к совершенству в целом, тем строже имеем мы право относиться к частностям.

Одно обстоятельство явно неблагоприятно отразилось на ценности издания: это — тот длительный период, который отделяет время его подготовки и завершения от времени его выхода в свет. Указанное обстоятельство не ускользает даже при самом поверхностном просмотре примечаний. Вспомним, например, что редактор, как правило, дает в основном тексте законченную редакцию автографа. Между тем вот два примера совершенно неоправданной непоследовательности этого метода. Я имею в виду две пьесы, посвященные кн. А. М. Горчакову. Автографы их стали известны редактору не ранее 1928 г., так как только с этого времени перевезенный в Москву архив Горчаковых сделался доступным для исследователей. По поводу первой из этих пьес («В те дни кроваво-роковые...») Чулков пишет в примечаниях следующее: «И. С. Аксаков напечатал это стихотворение в 1868 г. с датой: июнь 1867... Мы печатаем традиционный текст, сохраняя аксаковскую дату. Текст автографа нам сообщил М. А. Цявловский. В рукописи с традиционным текстом имеются разночтения (приводятся четыре варианта)». Неясно, почему совершенно законченной редакции белового автографа, поднесенного Тютчевым Горчакову по случаю его юбилея, редактор предпочитает традиционный текст, впервые напечатанный в том самом издании, где стихотворения поэта печатались не по автографам, а по копиям весьма различного качества? Не берусь утверждать, что печатная редакция стихотворения внушает какие-либо сомнения в своей достоверности, но с точки зрения редактора осторожность требовала бы предпочесть текст автографа, хотя бы он и давал первоначальное чтение. Нельзя не пожалеть, что Г. И. Чулков лично не ознакомился с этим автографом, имеющим к тому же точную дату: 13 июня 1867 г. Личное знакомство с двумя автографами другого стихотворения — «Да, вы сдержали ваше слово...» — несомненно побудило бы Чулкова перенести в основной текст ту редакцию, которая помещена у него в примечаниях. Он печатает по подлиннику архива Тютчевых, а сообщенные ему варианты двух других автографов Горчаковского архива приводит в комментариях. Однако редакция, данная в основном тексте, отвергнута самим поэтом. В одном из автографов архива Горчаковых имеется карандашная приписка на французском языке:

«...так как мои рифмы снискали ваше расположение, вот, князь, более точный и более полный их список» (в тексте — одна строфа, отсутствующая в других рукописях).

Примеры методологической непоследовательности редактора не исчерпываются только что сделанными замечаниями. Мы знаем, что редактор старался не заслужить упрека в том, что «предложил читателю, как нечто законченное, стихи незавершенные». И тем не менее этот упрек может ему быть сделан. На стр. 198 тома I он поместил как бы совершенно законченный переводный отрывок из драмы В. Гюго «Эрнани» — «Великий Карл, прости...» В примечаниях же мы читаем: «...есть черновой автограф. Первые двадцать четыре строки без поправок. Эти строки были напечатаны впервые А.А. Флоридовым в собр. соч. 1900 г. Мы печатаем этот фрагмент в основном тексте, а следующие строки, от 25-й до 57-й, здесь в примечаниях». Нужно ли говорить, насколько произвольно это отсечение «строк без поправок» от текста с пометками и исправлениями. В распоряжении Флоридова находился именно этот автограф, и следовательно новый редактор Тютчева повторил ошибку одного из своих предшественников, с той только разницей, что тот вовсе утаил от читателей наличие в рукописи лишних тридцати двух стихов. Существует еще один более полный текст заключительной части перевода, который Г. И. Чулков также помещает в примечаниях как «черновой». Автограф этот, однако, не имеет ни единой поправки: если его и нельзя назвать беловым текстом, то во всяком случае это чистовая запись, может быть оставшаяся недоработанной. Совершенно очевидно, что оба отрывка должны бы быть перенесены в отдел *immutata*.

Здесь может быть поставлен вопрос, стоит ли в тех случаях, когда стихотворение дошло до нас только в «черновом» автографе, предлагать читателю его транскрипцию. Конечно, если в черновике имеются слова или фразы, зачеркнутые и не замененные новыми, то мы не можем дать связного чтения, не оставив пробелов на месте отсутствующих слов или не заключив в скобки зачеркнутые. В последнем случае получается сочетание двух редакций, т. е. комбинированный текст. Прием этот нельзя одобрить, и Г. И. Чулков прав, что не решается ему следовать. Но дело в том, что при работе над рукописями Тютчева вовсе нет надобности прибегать к комбинированному тексту. Заглянем в творческую лабораторию поэта.

Самого беглого поверхностного взгляда на его автографы достаточно, чтобы судить о коренном различии между творческой работой Тютчева и, скажем, Пушкина. И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и другие, писавшие о «невольности» или «почти бессознательности» тютчевского творчества, были весьма близки в действительности, по крайней мере в отношении начальной стадии творческого процесса Тютчева. Если вся творческая работа Пушкина протекает всецело на наших глазах, то возникновение и первичная стадия развития тютчевских поэтических образов от нас скрыты. Бумага служила поэту для записи в целом уже сложившегося и выношенного в голове стихотворения. Тютчевский «черновик» в сущности соответствует пушкинскому беловому тексту с поправками. В рукописях Тютчева чаще всего мы встречаемся с белой записью, либо остающейся без изменений, либо подвергающейся поправкам. Что касается самого характера последних, то, как бы существенны они ни были, они в большинстве случаев касаются частных деталей. С этой стороны даже дополнительные строфы, приложенные обычно на отдельных листках, не ведут к коренному композиционному видоизменению пьесы. Иногда Тютчев не наносил исправлений на полях или между строк первоначальной редакции, а вводил их в самый текст при его переписке. Определение последовательности нескольких чистовых рукописей как по некоторым внешним их признакам (характер почерка), так и по внутреннему анализу вариантов составляет уже задачу исследователя.

К характеристике тютчевского «черновика» следует добавить, что никогда зачеркнутые слова не остаются в нем без замены. Можно спорить конечно, является ли тот или иной текст окончательно завершенным или нет, но всегда перед нами текст цельный. Если сам Тютчев редко производил беловую сводку текста, то мы имеем возможность сделать за него эту сводку, извлечь связное чтение из первоначальной

записи с поправками, опустив при этом зачеркнутый слой вариантов. Этот текст не может быть назван «комбинированным», поскольку мы даем одну редакцию.

Г. И. Чулков неоднократно пользуется этим совершенно естественным методом. Тем более непонятно помещение даже не в отделе *imatura* (как следовало бы), а в примечаниях (т. I, стр. 317—319) трех значительнейших переводов из «Фауста», которые таким образом скрыты от основной массы читателей.

Если Г. И. Чулков и является принципиальным противником комбинированного текста, то в виде исключения он пользуется им, слагая при этом ответственность на тех лиц, которыми этот текст предложен. Так поступает он с предсмертными стихотворениями поэта. Насколько достоверными являются те редакции их, которые до сих пор помещались в собраниях сочинений Тютчева, можно судить по следующему сообщению И. С. Аксакова о происхождении общеизвестного текста стихотворения «Наполеон III», впервые появившегося в газете «Гражданин», уже во время последней болезни поэта: «Они были переданы Мещерскому (редактору «Гражданина». — К. П.) в таком оригинале (записи, сделанной под диктовку Тютчева его женой. — К. П.), что для восстановления версификации, не соблюденной Эрнестиной Федоровной (по два стиха, например, в одну строчку), был Мещерским приглашен Майков (Аполлон Николаевич. — К. П.): нет сомнения, что Ф. И. исправил бы их иначе»⁵⁶. Таким же путем возникли традиционные редакции и других предсмертных стихотворений поэта: следовательно, путь этот является путем исправления несвязных записей как собственноручных, так и диктованных. Есть однако другой путь, ничего общего не имеющий с предыдущим, — путь восстановления подлинного текста на основании сохранившихся автографов поэта. Тютчев набрасывал эти стихи, недописывая или, наоборот, по несколько раз повторяя отдельные слова, слоги и буквы. Восполнение этих пробелов или удаление излишнего — не только допустимо, но составляет прямой долг редактора. В этом нет ровно никакого посягательства на авторский текст. Конечно, мы не можем считать текста предсмертных стихов поэта совершенным и законченным (стихотворение «Наполеон III», например, в автографе сохранилось лишь в небольшом отрывке), но только что указанный прием печатания их не включает в себе ничего ненаучного с точки зрения текстологии. Можно поэтому пожалеть, что Чулков включил в основной текст те редакции этих стихотворений, ответственность за которые ложится на Майкова и Флоридова; редакции эти могут печататься только в отделе *dubia*.

В смысле установления достоверности текста в новом издании сделано очень много. И все-таки его нельзя еще назвать окончательным. Конечно, в целом ряде случаев мы не можем упрекать редактора, так как в нашем распоряжении оказались материалы, оставшиеся ему неизвестными⁵⁷. Но ограничивая круг своих замечаний в пределах тех материалов, которыми пользовался редактор, считаю необходимым отметить следующие мелкие неточности текста.

Впервые напечатанное по автографу Остафьевского архива французское четверостишие «Lamartine» опубликовано с неверно разобранный строкой, значительно меняющей смысл:

Et sa pensée un rêve, ailé, mélodieux,
Lui flotte dans les airs, bercé par sa parole.

(т. е. «И его мысль, мечта, крылатая и мелодичная, освященная его словом, реет перед ним в воздушных пространствах») вместо:

Et sa pensée, un rêve, ailé, mélodieux.
Qui flotte dans les airs, bercé par sa parole.

(т. е. «И его мысль — мечта, крылатая, мелодичная, которая реет в воздушных пространствах, убаюкиваемая его словом»).

В стихотворении «Сон на море» в 7-й строке следует читать «лежал», а не «летал» (в автографе буква «ж» написана недостаточно отчетливо, что и послужило поводом принять ее за «т»). Правильность этого чтения всецело подтверждается данным в следующей строке противопоставлением:

Я в хаосе звуков лежал оглушон,
Но над хаосом звуков носился мой сон.

В стихотворении «Я лютеран люблю богослуженье...» 5-я строфа в автографе начинается обращением: «Не видите ль...», а не «Но видите ль...» (ср. с помещенным в I томе, между стр. 256 и 257, снимком с рукописи).

Стихотворение «Вновь твои я вижу очи...» напечатано с неправильным чередованием строф. В автографе, который принят Г. И. Чулковым в основном тексте, первоначально были записаны только две строфы («Вновь твои я вижу очи...» и «Лавров стройных колыханье...»). Лишняя строфа была приписана позднее и за недостатком места помещена на полях. Перед нею поставлен значок, отмечающий ее место в тексте — между двумя ранее написанными строфами. Возможно, что посылая стихотворение в редакцию «Москвитянина», где оно появилось впервые, Тютчев сам произвел перестановку строф, с какой песни эта с тех пор и печаталась. Но, если признавать основным текстом текст автографа, то уж приходится следовать ему вполне. К тому же есть даже некоторые основания усматривать прямую смысловую связь в таком чередовании строф. Вторая, приписанная позже, строфа кончается строками:

И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

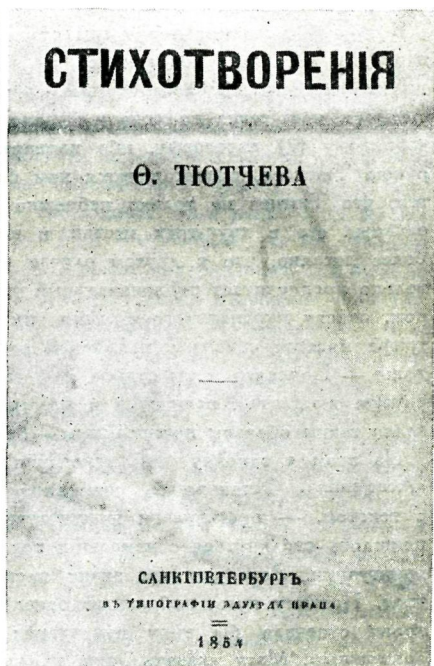
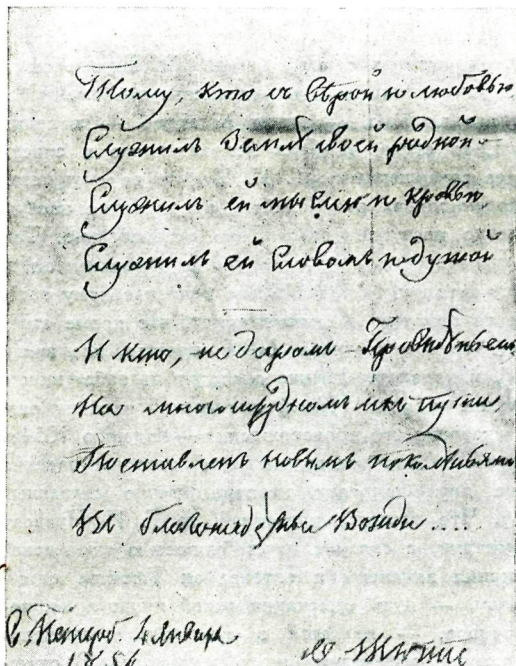
В следующей же строфе дается развернутое описание этого «волшебного края»:

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провекает летний зной...

Встречаются, правда, иные случаи, когда предпочтение, оказываемое редактором автографу перед печатным текстом, вызывает решительные возражения. Один такой пример был указан Н. К. Гудзием в его статье «Новое издание стихотворений Тютчева» и с этим примером нельзя не согласиться. Речь идет о двух переводах Тютчева из Гете: «Кто с хлебом слез своих не ел...» и «Кто хочет миру чуждым быть...». Эти переводы двух песен из XIII главы второй части «Ученических годов Вильгельма Мейстера» впервые появились в альманахе «Сиротка» на 1831 г. В силу цензурных условий в тексте первой песни три стиха («Они — т. е. небесные власти — нас в бытие манят, Заводят слабость в преступленье, И после муками казнят»), заменены одной строкой точек. Оба перевода сохранились в автографе. В первом дан полный текст с вариантом одной строки по сравнению с текстом «Сиротки»; зато второй перевод, написанный на обороте того же листа, имеет целый ряд разночтений с первопечатным текстом, а последнее четверостишие, очень важное в смысловом отношении, в автографе совершенно отсутствует. Последнее объясняется очень просто: листок, на котором написан перевод, заполнен весь сверху донизу; очевидно за отсутствием места эти четыре строки были записаны на другом листе, который затерялся. По сравнению с текстом «Сиротки» в рукописи имеется шесть вариантов. «Мы печатаем пьесу по автографу, — поясняет редактор, — хотя в нем и нет последних четырех строк, дабы избежать комбинированного текста». Следовательно, желая сохранить пропущенные цензурой строки в первой песне, редактор сознательно жертвует заключительным четверостишием второй. Правильно ли это? Понятно, что восстанавливая по автографу цензурный пропуск в первом переводе, Г. И. Чулков печатает весь текст по этому автографу, в виду наличия в нем одного варианта. В случае, если бы редактор воспользовался текстом «Сиротки» и только вставил бы по автографу отсутствующие строки, он конечно рисковал бы дать комбинированную редакцию, так как нельзя ручаться за то, что в тексте, находившемся в руках цензуры, эти три стиха были буквально тождественны рукописи. Пока не будет обнаружен автограф или список, с которого впервые печатался перевод, мы вынуждены считать основным текстом известный нам собственноручный подлинник, по всем вероятностям более ранний. Но следует ли из этого, что и второй перевод должен печататься по явно первоначальному и неполному тексту только потому, что оба перевода сделаны одновременно, извлечены из одного источника и напечатаны в одном и том же месте? Предположим, что переводы были бы написаны в разное время и напечатаны разное. Были бы мы обязаны печатать один:

перевод по незавершенному автографу на том основании, что рукописная редакция другого должна быть предпочтена печатной? Заключительное четверостишие перевода «Кто хочет миру чуждым быть...» настолько важно, что отсечение его просто лишает стихотворение смысла. Правильнее было бы печатать первый перевод по рукописи, как и делает Чулков, а второй по первопечатному тексту «Сиротки».

Если таким образом в некоторых случаях колеблется уверенность в том, оказывать или не оказывать предпочтение автографу перед печатным текстом, то можно указать еще на ряд примеров, когда автограф определенно должен уступить место авторизованному списку. С этой стороны в новом издании наблюдается некоторая непоследовательность. Так, например, стихотворение «Ты волна моя морская...» дошло до нас в трех редакциях: раннего белового автографа, исправленного Тютчевым списка сушковской



ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» Ф. И. ТЮТЧЕВА, СО СТИХОТВОРНЫМ ПОСВЯЩЕНИЕМ А. С. НОРОВУ

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

тетради и комбинированного текста издания 1854 г. Ниже я подробно останавливаюсь на тексте этого стихотворения. Совершенно очевидно, что последняя тютчевская редакция пьесы дана в списке сушковской тетради. В новом издании, однако, в основном тексте помещена редакция автографа, а варианты, внесенные поэтом в текст сушковской тетради, отнесены в примечания. «В виду того, что Тютчев весьма небрежно просматривал сушковскую тетрадь,—замечает при этом редактор,—мы предпочли текст автографа, а не списка». Аргумент этот лишен достаточных оснований. Если в тех случаях, когда достоверность позднейшей редакции возбуждает какие-либо сомнения, Г. И. Чулков прав, печатая первоначальный подлинный текст, то настоящий пример не подает никакого повода к подобного рода подозрениям. Во-первых, нельзя сказать а priori, чтобы Тютчев небрежно просматривал сушковскую тетрадь. На чем можно было бы обосновывать это утверждение? На неисправленных поэтом описках переписчика? Но ведь «техническая редакция» тетради принадлежала Сушкову, и Тютчев получил тетрадь уже прокорректированную последним; к тому же некоторые неточ-

ности текста (в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...») он как раз поправил. То, что поэт не отвергнул и не зачеркнул сушковских исправлений, также еще ничего не доказывает. Наконец, что касается некрасовских поправок, то их Тютчев мог попросту не заметить. В самом деле, если он не припомнил двух целых строф, пропущенных цензурой в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...», то неужели же он обратил внимание на то, что две строки читаются в этом списке иначе, чем он сам их когда-то написал? Во-вторых, речь идет не о принятии текста всей сушковской тетради (некоторые стихотворения, напр., «О как убийственно мы любим...» и «Чему молилась ты с любовью...» в будущем, конечно, должны печататься по спискам этой тетради), а о тексте одного стихотворения. И оставляя открытым вопрос, тщательно или нет просмотрел Тютчев всю тетрадь, мы обязаны в данном случае считаться с его поправками, поскольку тем самым зачеркивается редакция белого автографа.

В другом месте редактор сам отдает предпочтение авторизованному списку. Стихотворение «Рассвет» сохранилось в белом автографе альбома М. Ф. Бирилевой и позднейшем, исправленном поэтом, списке так называемого мурановского альбома. «Мы печатаем наш текст по списку мурановского альбома, — пишет редактор, — а не по черновому (?) автографу, ибо вариант 15-го стиха, как раз исправленного в списке рукою Тютчева, представляется нам более совершенным». Г. И. Чулков не смущается тем, что Тютчев не только небрежно просматривал этот альбом, но вероятно наобум раскрыл его в двух-трех местах, и конечно поступает совершенно основательно. Тем более досадно, что в другом случае (стихотворение «Там, где горы, убегая...») он не только предпочитает первоначальный текст автографа позднейшему, исправленному автором, списку мурановского альбома, но и не отмечает в комментариях, что кроме автографа имеется список с поправкой рукой самого Тютчева («Все прошло, все взяли годы — Поддался и ты судьбе, О Дунай, и пароходы Нынче **рышут** по тебе» вместо «нынче **х о д я т**»), вошедший в тургеневское издание. Новый тютчевский вариант оказался таким образом приписанным — без указания его происхождения — изданию 1854 г.

На этом я закончу свои замечания относительно текстологической стороны издания «Academia». Остановлюсь еще лишь на двух вопросах, непосредственно связанных с текстом, — орфографии и пунктуации. Что касается последней, то Г. И. Чулкову пришлось столкнуться с немалыми трудностями, в связи с неустойчивостью тютчевской пунктуации. Зачастую все знаки препинания заменены в автографах Тютчева одним тире. Поэтому путь, избранный редактором, — путь отыскания такой пунктуации, которая отвечала бы типу пунктуации автора, — является в сущности единственно возможным. Могут указать лишь на следующие замеченные мною неточности. В стихотворении «Саконтала», печатающемся по списку архива Тютчевых (ныне в Мурановском архиве), редактор напрасно заменил точки с запятой во 2-й и 4-й строках точками, вследствие чего относительное местоимение «что» в двух предшествующих стихах приняло характер вопросительного (это смысловое нарушение в результате изменения пунктуации уже имело место в изданиях Тютчева). Второй пример может подать повод к разочарованию. В русской критике неоднократно цитировались 5-я и 6-я строки стихотворения «Как птичка с раннею зарей...», при этом данные строки всегда читались так (начиная с текста пушкинского «Современника»):

Хоть свежесть утрення вьет
В моих всклокоченных власах...

Между тем оказывается, что все редакторы, включая Чулкова, не обратили внимания на стоящую в подлиннике запятую после 5-го стиха (автограф — единственный достоверный текст стихотворения). Правильное чтение, следовательно, таково:

Хоть свежесть утрення вьет,
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чувю, тяготее
Вчерашний зной, вчерашний прах...

Но это, конечно, мелочи. Гораздо существеннее вопрос орфографии, вообще говоря один из самых сложных вопросов современной редакционной техники. В новом же издании Тютчева — это то, что вызывает единодушные и справедливые возражения.

Вот как разрешает эту трудную задачу Г. И. Чулков: «Что касается правописания, — пишет он во вступительной статье к редактируемому им тексту, — то мы вынуждены были модернизировать его согласно общим требованиям современности и не сохраняли таких особенностей орфографии, как буква «щ» в слове «счастье», или окончание «ой» вместо «ый» в именительном падеже прилагательного. Мы не решились даже следовать примеру некоторых текстологов, которые сохраняют для рифмы такие формы, как ея вместо ее, или окончание прилагательных женского рода во множественном числе на букву я, ибо рифма не важнее вообще инструментовки стиха, а такие детские компромиссы, как сохранение для рифмы прежней транскрипции, вносят только путаницу в восприятие читателя».

Вопрос о том, стоит или не стоит сохранять старинное правописание в слове «счастье» (щастие) — вопрос сложный. Если в своих юношеских опытах Тютчев писал «щастие», «щастливый», то в 30-х годах он уже пишет «счастлив» (см. например, факсимиле стихотворения «Цицерон» в I томе издания «Academia»). Неустойчивость орфографии в окончаниях прилагательных именительного падежа мужского рода (славянское «ый» и русское «ой»), наблюдаемое в рукописях молодого Тютчева, с течением времени окончательно уступает место современному правописанию («ый»). При строго хронологическом распределении материала точное соблюдение всех этих особенностей орфографии приобретает известную закономерность. При отступлении же от хронологического принципа естественно появляется сомнение. Правда модернизация орфографии в указанных случаях сравнительно незначительно отражается на произношении. Гораздо отчетливее зато начинает влиять на произношение славянское правописание «ий» вместо русского «ой» в окончаниях прилагательных именительного падежа мужского рода после согласных «г», «к», «х» (убогий, одинокий). Надо поэтому признать совершенно правильным принцип сохранения вообще прежнего правописания в тех случаях, когда этого требует рифмовка или фонетические особенности стиха. Этот принцип в настоящее время делается господствующим в нашей редакционной практике. Метод Г. И. Чулкова, до сих пор еще не нашедший ни одного сторонника, возбуждает заслуженные нарекания не только со стороны исследователей, но и со стороны читателей. Нельзя согласиться и с заявлением редактора о том, что рифма «не важнее вообще инструментовки стиха». Рифма и инструментовка — явления различного порядка. Вот что пишет по этому поводу Б. В. Томашевский в своей работе «Русское стихосложение»: «Обычно рифму изучают в ряду приемов «благозвучия», эвфонии, вместе с так называемой «инструментовкой», ассонансами, аллитерациями и другими спорадическими явлениями упорядочения качественного построения звуков стихотворной речи. На самом деле роднит рифму с «инструментовкой» только средство ее образования — созвучие, звуковой параллелизм. Но организующая роль рифмы в стихе выходит за пределы простого качественного упорядочения звуков речи: роль рифмы — краесловия (по старинной русской терминологии) — в том, что она есть знак ритмической законченности стихотворного члена. Ее функция — в ритмическом членении. Звуковой повтор рифмы не аналогичен звуковым повторам иного порядка, наблюдаемым в поэтической речи»⁵⁸.

Опасаясь внести «путаницу в восприятие читателя», Чулков достиг как раз обратного. Читатель с недоумением останавливается на следующих строках «Silentium!»

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои —
Пусть в душевной глубине
Всходят и заходят они (оне)
Безмолвно как звезды в ночи —
Любуйся ими — и молчи.

Или еще:

И вдруг как солнце молодое,
Любви признание золотое

Исторглось из груди ее... (ея)
 И новый мир увидел я.
 («Сей день, я помню, для меня...»)
 По небу много облак бродит,
 Но эти облака ее (ея)
 Она ни следу не находит
 Отцветших весен бытия.
 («Весна»).

Для читателя, не знакомого с особенностями прежней орфографии, зрительное восприятие рифмы чрезвычайно важно. Поэт нашего времени не станет рифмовать «бытия» с «ея» и «глубине» с «оне», ибо с изменением орфографии мало-помалу совершенно исчезает это произношение и в живой речи. Формы эти являются для нас мертвыми формами и как таковые должны восприниматься читателем. Но модернизация орфографии в этих случаях просто недопустима. Напрашивается предположение, что если бы подобные рифмы встречались нам в сонете или в терции, форма которых определяется рифмой? Ведь от нарушения рифмовки сонет перестал бы быть сонетом, а терция — терциною. Правда, обе эти строфические формы отсутствуют у Тютчева, но критика чулковского метода имеет безотносительное, принципиальное значение. И если новый редактор Тютчева не придает особенного значения рифме, то сам поэт жертвовал ей иногда грамматическими правилами. Это не мешает отметить. Как известно, местоимение третьего лица среднего рода принимало во множественном числе то же окончание, что и местоимение мужского рода. Вопреки этому Тютчев рифмует:

В ее душевной глубине
 Ей оставались вспоминанья,
 Но изменили и оне (они).
 («О как убийственно мы любим...»)
 Есть много мелких безымянных
 Созвездий в горней вышине,
 Для наших слабых глаз туманных
 Недостигаемы оне... (они).
 («N. N.»)

Как видим, Тютчев позволял себе ради рифмы не считаться с грамматическими правилами. Поэтому модернизация правописания в таких случаях представляется с нашей стороны непростительным посягательством на авторский текст. И это новое и суждение Тютчевского текста гораздо острее поразит и зрение, и слух читателя, на которого в первую голову рассчитано это издание, чем некоторая неизбежная невывержанность новой орфографии. Читатель видит в рифме прежде всего то, чем она и является на самом деле, то-есть — «не простое «украшение» стиха, а одно из средств, создающих стих»⁵⁹.

Кроме трудностей текстологического порядка немалую сложность представляет для редактора Тютчева и проблема расположения стихотворного материала. Господствовавший долгое время в изданиях классиков хронологический принцип, в настоящее время подвергнут переоценке. В последнем издании Пушкина мы наблюдаем уже выделение в особые отделы не только коллективных произведений и dubia, но и незавершенных. Г. И. Чулков, считающий хронологическое распределение материала «основным принципом, отвечающим требованиям научной текстологии», также оказывается вынужденным «ограничить в известной мере» этот принцип, принимая во внимание то обстоятельство, что издание его «рассчитано не столько на специалистов-исследователей, сколько на читателей и ценителей поэта». Поэтому он устанавливает следующее деление текстов: 1) детские и юношеские стихотворения 1813—1823 гг., 2) стихотворения «зрелого поэта» 1824—1872 гг., 3) immatura, fragmenta et senilia и 4) dubia. Ограничение хронологического принципа, допущенное Г. И. Чулковым, вполне целесообразно. Можно спорить только насчет принятия 1824 г. в качестве грани между юношескими произве-

дениями Тютчева и творчеством «зрелого поэта». Печатаая все стихотворения, написанные до 1824 г., мелким шрифтом, редактор тем самым намеренно снижает их поэтическую ценность и заставляет читателя видеть в них какие-то ученические опыты, лишённые для нас особого интереса. Среди них помещены между тем такие пьесы, как вовсе не ученическое «Послание к А. В. Шереметеву» или чрезвычайно важное для понимания молодого Тютчева стихотворение «Нет веры к вымыслам чудесным...». Избегать этого можно было бы, приняв за начальную веку для творчества «зрелого поэта» дату чисто биографическую — окончание Тютчевым университета в 1821 г. Во всяком случае дата эта была бы более оправдана, чем дата, принятая Г. И. Чулковым. Стихотворение «Твой милый взор, невинной страсти полный...», открывающий в его издании основной отдел стихов, не включает в себе ничего такого, что давало бы право считать его мерилom «зрелости» тютчевского творчества. Впрочем хронологический принцип в применении к стихотворениям Тютчева всегда будет неизбежно условен, поскольку то, что составляет теперь первый том, является лишь незначительной частью написанного им в заграничный период, счастливо уцелевшего от учиненного самим поэтом аутодафе. В силу этого обстоятельства в глазах читателя может образоваться несколько ошибочное представление о творческом пути Тютчева, в частности, о преобладании в его творчестве этих годов переводных произведений.

Целесообразность или нецелесообразность выделения переводов в особый отдел зависит от того, какие задачи преследуются изданием. Не возражая принципиально против соединения переводов Тютчева с оригинальными произведениями в издании академического типа, к которому приближается издание Чулкова, нельзя не признать большим упущением то, что редактор не отмечает перед текстом переводное происхождение пьесы. Ведь, по его словам, новое издание Тютчева рассчитано главным образом на читателя не специалиста. Такой читатель не станет смотреть в примечания, тем более в примечания текстологическо-библиографического характера. И он очень легко примет большинство тютчевских переводов за оригинальные произведения, тем более, что в некоторых случаях — очень редких — Чулков сохранил в скобках подзаголовки: (из Гете), (из л. Байрона), (из Гейне). Однако, тут же помещена переведенная из Гете баллада «На старой башне, у реки...» без всякого указания, что это перевод. Во всех случаях, когда свидетельство о переводном происхождении пьесы имеется в рукописях поэта перед текстом и заключено в скобки, Чулков, как правило, опускает его, ссылаясь на то, что это не заглавие, а помета (для обозначений, не заключённых в скобки, редактор делает исключение и печатает их как заглавие). Лучше было бы сохранить ее так, как она дана в подлиннике — в скобках, перед текстом, напечатав ее мелким шрифтом или курсивом. Тем самым не вносилась бы путаница, в восприятие читателя. Равным образом следовало бы отмечать иностранный источник даже и тогда, когда он не указан в автографе, пользуясь при этом редакторскими ломаными скобками.

В заключение вкратце коснусь комментария. Редактор преследует прежде всего текстологические и библиографические цели, давая подробную историю текста каждого стихотворения, указывая известные ему рукописные источники и проч. Большое значение для исследователя Тютчева представляет обширная, хотя и не исчерпывающая сводка рукописных и печатных вариантов. Бесспорной заслугой Г. И. Чулкова является основательная и не легкая работа, произведенная им над датировкой тютчевских стихотворений. Как мы знаем, во всех прежних изданиях Тютчева это было одним из самых больных мест. Правда, далеко не все стихотворения получили в новом издании точную датировку: многие пьесы датированы гадательно и условно, но можно сказать почти с уверенностью, что новые данные не изменят существенно ныне установленную датировку и смогут лишь несколько уточнить ее. В издании оказалась лишь одна ошибочная дата, которая и исправляется здесь на основании картотеки Мурановского музея. Французское четверостишие «Ah quelle meprise...», которое по предположению Чулкова относится к старшей дочери Тютчева Анне и вызвано ее желанием поступить в сестры милосердия во время Крымской кампании, на самом деле обращено к младшей дочери поэта Марии и написано в 1870 г.

Слабее реальный комментарий. Чувствуется, что редактор был несколько стеснен рамками своего издания. Нельзя поэтому не пожалеть, что Чулков не прибегнул к условным обозначениям в истории текста при ссылках на часто упоминаемые источники; это позволило бы ему значительно расширить реальный комментарий и тем самым одновременно удовлетворить запросы и читателя, и исследователя. Комментарий, предложенный Г. И. Чулковым, не всегда отвечает тем требованиям, которые мы в праве к нему предъявлять. С одной стороны, в нем выяснена подробно не только история текста того или иного стихотворения, но и повод, послуживший к его написанию, приведены любопытные параллели из писем и политических статей поэта ко многим его стихотворениям, установлено — иногда на основании свежих архивных материалов — не самостоятельное происхождение некоторых пьес Тютчева (см., например, «Святые горы»). С другой стороны, попадаются в комментарии излишние буквальные повторения (напр., т. II, стр. 363 и 476 — о М. Ф. Тютчевой-Бирилевой; т. I, стр. 403 и т. II, стр. 493—494 — об Э. Ф. Тютчевой), чрезмерная лаконичность (таково примечание о ничем не говорящей читателю леди Бьюкенен, о которой сказано только, что ее имя встречается в письмах Тютчева — т. II, стр. 423), наконец некоторая устарелость сведений. Примером последнего может служить примечание к стихотворению «На древе человечества высоком...», написанному по поводу смерти Гете. Г. И. Чулков приводит легендарные сообщения Р. Ф. Брандта и В. Я. Брюсова о знакомстве Тютчева с Гете, основанные на весьма недостоверном свидетельстве Н. В. Гербеля. Однако отсутствие имени Тютчева в исчерпывающем перечне русских писателей — гостей Гете, данном С. Н. Дурылиным в гетевской книге «Литературного Наследства», было бы достаточным основанием, чтобы взять под большое сомнение этот источник. Данные Мурановского архива, обнаруженные за последние годы, опровергают версию Гербеля.

Понятие об окончательности издания классика — понятие неизбежно условное. Не будучи окончательным, новое издание Тютчева, повторяю, остается первым критическим изданием, с которым обязаны считаться будущие исследователи. Своим быть может чересчур подробным разбором я несколько не хотел снизить значение этого издания. И если, отдавая должную дань заслугам и трудам Г. И. Чулкова, принимая в основном его редакционные принципы, я в своих замечаниях иногда останавливался на мелочах, так это оттого, что в пределах тех возможностей, которыми располагал редактор, мы в праве были ожидать от него большего.

IV. РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ТЮТЧЕВА

Рукописное наследие Тютчева в настоящее время в основном приведено в известность, благодаря предпринятому Мурановским музеем учету рукописей поэта и розыскам, произведенным в советских архивах по заданию «Литературного Наследства». Полный по возможности обзор рукописного наследия Тютчева является весьма своевременным и необходимым, особенно же в виду его сравнительной разбросанности.

Рукописное наследие поэта может быть разбито на четыре раздела: стихотворное наследие, эпистолярное наследие, документы официального характера и *varia*. Соответственно этим разделам я и даю обзорные учтенных до сих пор рукописных материалов.

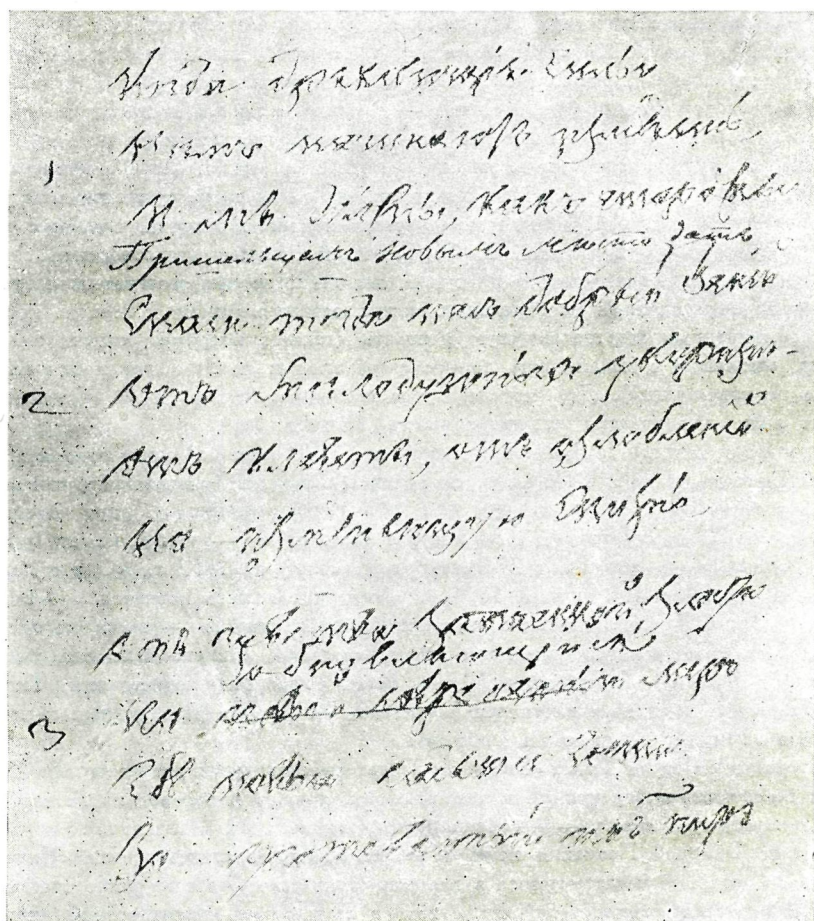
СТИХОТВОРНОЕ НАСЛЕДИЕ

На первом месте по обилию и ценности собранного в нем поэтического наследия Тютчева стоит Государственный Литературный музей (ЛМ).

В 1933 г. музеем приобретен основной фонд стихотворного наследия поэта — семейный архив Тютчевых, заключающий автографы свыше двухсот стихотворений Тютчева, при чем многие из них представлены в различных редакциях. Рукописи эти развертывают перед нами весь творческий путь поэта, начиная с каллиграфически выведенных отроческих опытов и кончая последними записями, начертанными во время предсмертной болезни. Неизданных стихотворений или каких-либо новых неизвестных в печати редакций в этом архиве, правда, уже не осталось. Могу указать лишь на один автограф, ускользнувший от внимания редакторов Тютчева: это — единственный, хотя и не

любопытный сам по себе отрывок тютчевской художественной прозы, несомненно переводный. Написан он на оборотной стороне автографа «Над виноградными холмами...» (шифр 1133 61/10) и, следовательно, относится к первой половине 30-х годов.

Среди других приобретений ЛМ имеются автографы стихотворений: «Давно ль, давно ль, о юг блаженный...», «Итальянская вилла», «Так здесь то суждено нам было...», «Сентябрь 1866» («Небо бледно голубое») и копия стихотворения «Так здесь то суждено нам было...» в альбоме А. Н. Бахметевой, рожд. Ховриной.



АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ТЮТЧЕВА «КОГДА ДРЯХЛЕЮЩИЕ СИЛЫ»

Государственный Литературный Музей, Москва

В этой копии — двенадцать начальных стихов, отсутствующих в общеизвестном тексте. Принадлежность последних Тютчеву не вполне очевидна. Копия к тому же относится к довольно позднему времени.

Из московских архивов на втором месте по количеству хранящихся в нем стихотворных автографов поэта должен быть поставлен Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Обследованные мною автографы Тютчева находятся: в Горчаковском фонде («Вы не родились поляком...», «Нет — не могу я видеть вас...», две редакции «Да, вы сдержали ваше слово...», две редакции «Когда свершится искупление...», «Он, умирая, сомневался...» и «К портрету Государственного Канцлера князя А. М. Горчакова»), в Остафьевском архиве кн. Вяземских («Наполеон», «Lamartine»,

«Теперь не то, что за полгода...», «Неохотно и несмело...», «Вновь твои я вижу очи...», «Итак опять увиделся я с вами...», «Венеция», «По равнине вод лазурной...». «Нерешенный вопрос» — отрывок из стихотворения «Наполеон», «Не в первый раз кричит петух...», «Когда в кругу убийственных забот...» и «Слезы людские, о слезы людские...») и в Татевском архиве Рачинских — в собрании автографов С. А. Рачинского («Современное»). В составе Горчаковского фонда хранится еще ряд современных списков тютчевских стихов (среди них до последнего времени неизданное восьмистишие «Велели вы — хоть, может быть, и в шутку...» — в одном из альбомов кн. А. М. Горчакова) и литографированные копии двух стихотворений, посвященных Горчакову.

В архиве Мурановского музея имеется шесть стихотворных автографов поэта: «Из Гейне» («Как порою светлый месяц...»), «Обеих вас я видел вместе...», «О вещая душа моя», «На гробовой его покров...», «Умом — Россию не понять...» и «Вы не родились поляком...», из них четвертый подклеен под литографированным портретом гр. М. Н. Муравьева, а шестой находится в письме Тютчева к дочери А. Ф. Аксаковой от 18 января 1869 г. В том же архиве хранятся: описанная ниже сушковская тетрадь с копиями тютчевских стихов и собственноручными поправками поэта, альбом с выполненными писарской рукой и рукой Э. Ф. Тютчевой списками стихотворений Тютчева, в некоторых местах исправленными им самим, две стихотворные телеграммы поэта и до двухсот пьес, переписанных на отдельных листах разными лицами и нередко представляющих несомненную текстологическую ценность (таковы, например, списки кн. И. С. Гагарина, сделанные с недошедших до нас автографов и в настоящее время имеющие значение первоисточника). Две тетради с позднейшими копиями Э. Ф. Тютчевой любопытны лишь для истории печатного текста Тютчева.

В Рукописном секторе Публичной Библиотеки СССР имени Ленина рукописи стихотворений Тютчева имеются в Погодинском архиве («Харон и Каченовский») и в письмах Тютчева к жене («Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface...» — при письме без даты под № 204, «В разлуке есть высокое значенье...» — в письме от 6 августа 1851 г., «Неман» — в письме от 27 сентября (9 октября) 1853 г., «О это лето, это лето...» — в письме от 11 августа 1854 г., «Увы, что нашего незнания...» — в письме от 11 сентября 1854 г., «Гуманный внук воинственного деда...» — в письме от 13 ноября 1863 г., «Доехал исправно усталый и целый...» — стихотворная телеграмма от 14 сентября 1870 г.). В собрании Музея Книги хранится поднесенный Тютчевым А. С. Норову экземпляр стихотворений (издание 1854 г.) с подклеенным к нему посвящением «Тому, кто с верой и любовью...».

В Литературном музее Союза Советских Писателей находится два автографа Тютчева (первая строфа стихотворения «Как неожиданно и ярко...» и перевод из Гете «Радость и горе в живом упоеньи...» — в собрании автографов Е. Н. Опочинина).

В Архиве Внешней Политики недавно найден автограф стихотворения «Императору Николаю I», впервые печатающегося в настоящем выпуске «Литературного Наследства».

Из ленинградских архивохранилищ рукописи тютчевских стихотворений имеются в Институте Русской Литературы (ИРЛИ) и в Рукописном отделе Государственной Публичной Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (ЛПБ). В ИРЛИ автографы Тютчева поступали как в составе целых архивов и собраний (в альбоме М. П. Боткиной-Фет: «Тебе сердечный мой поклон...» и отдельно 2-я строфа «Иным достался от природы...»; в собр. П. Я. Дашкова: «Спиритистическое предсказание» и «Когда сочувственно на наше слово...»; в альбоме Е. К. Зыбиной: «Тут целый мир живой, разнообразный...», в архиве А. Н. Майкова: «Утихла биза — легче дышет...», «Он, умирая, сомневался...», отрывки стихотворения «Привет вам задушевный, братья...», «Костер сооружен — и роковое...», отрывок того же стихотворения — «И цепь порвав с юродствующим Римом...», копия «Веленью высшему покорны...» с подписью Тютчева; в архиве А. В. Никитенко: «Бывают роковые дни...»; в альбоме кн. Е. Э. Трубецкой: «Средь Рима древнего соорудилось зданье...»; в архиве С. П. Фролова: «Как нас ни угнетай разлука»; в архиве Н. Ф. Щербины: «Вполне понятно мне значенье...»), так и путем единичных пожертвований и передач (от Н. Ф. Тютчевой и Е. Ф. Гирс: отрывок стихотворения «Сияет солнце, воды блещут...», «Не раз ты слышала признание...»; из Рязанского музея: «Не

плоть, а дух растлился в наши дни...»). Из различных копий тютчевских стихотворений некоторые («Он прежде мирный был казак...» — эпиграмма, записанная в дневнике Н. Н. Боборыкина под 5 октября 1861 г.; «Хотел бы я, чтобы в своей могиле...» — архив С. П. Фролова) являются единственными рукописными источниками.

В Публичную Библиотеку первые автографы Тютчева поступили еще в 1852 г. в собрании погодинского «Древлехранилища» («Кончен пир — умолкли хоры...», «Восток белел. Ладья катилась...», «Венеция» и «Рим ночью»). Позднее Рукописный отдел Библиотеки пополнился собственноручными подлинниками следующих стихотворений Тютчева: «Он, умирая, сомневался...» (бумаги Е. П. Ковалевского), «Близнецы», «Из Шиллера» («С временщиком Фортуна в споре...» — два автографа), «Problème» (все пять в собрании Н. В. Гербея) и «1856» (в альбоме Г. П. Данилевского).

Некоторая часть стихотворного наследия Тютчева находится в руках частных лиц. Нам известны автографы, находящиеся у Н. С. Бартеневой («Рим ночью»), Д. Д. Благого («Странник», «Здесь, где так вяло свод небесный...» и «Безумие»), С. Н. Дурмылина («Поэзия» и «Святая ночь на небосклон взошла...»), К. В. Пигарева («Над этой темною толпой...», «Есть в осени первоначальной...», «Смотри, как роща зеленеет...», «Как весел грохот летних бурь...» и начало переложения экспостилария, «Чертог твой, спаситель, я вижу украшен...»), О. В. Пигаревой («Еще томлюсь тоской желаний»), Н. И. Тютчева (так называемый «альбом М. Ф. Бирилевой», в котором кроме многочисленных списков, выполненных ею и ее матерью, имеется восемнадцать собственноручных записей Тютчева; экземпляр поэмы Вольтера «La Henriade» с надписанным на нем отроческим стихотворением поэта; несколько стихотворений, посвященных разным членам его семьи — некоторые в письмах), Г. И. Чулкова («Весь день она лежала в забытьи...», «О, этот юг! о, эта Ницца...», «Утихла биза — легче дышет...», «Певучесть есть в морских волнах...», «Небо бледно голубое...», «Ватиканская годовщина»).

Из зарубежных архивохранилищ в Чешском Национальном музее в Праге имеется автограф стихотворной записи Тютчева в альбом В. Ганки «Вековать ли нам в разлуке...». В Славянской Библиотеке в Париже, куда несколько лет назад передан дотоле находившийся в руках иезуитов архив кн. И. С. Гагарина, автографов стихотворных произведений Тютчева не оказалось. Повидимому остававшиеся у Гагарина рукописи поэта были полностью пересланы им Аксакову, хотя целый ряд стихотворений, напечатанных в пушкинском «Современнике», и остается неизвестным в автографах. В настоящее время в архиве Гагарина сохранились лишь копии некоторых стихотворений Тютчева (среди них пять — рукою Гагарина, при чем, судя по почерку, три относятся к 30-м годам, а две вероятно сняты при отсылке подлинников в Россию в 1874 г., и одна — рукою кн. П. А. Вяземского), в текстологическом отношении — в виду наличия автографов — не представляющие интереса. Фотокопии со всех этих материалов имеются в Государственном Литературном Музее.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Если поэтическое наследие Тютчева, выявленное до настоящего времени, все уже собрано и предоставлено читателю, то далеко не так благополучно обстоит дело с его эпистолярным наследием.

Еще при жизни Тютчева отрывки из его частных писем появились в иностранной печати. Французский публицист Э. Форкад, в своей статье «L'Autriche et la politique du cabinet de Vienne dans la question d'Orient», напечатанной в «Revue des deux Mondes» 1854 г., привел выдержки из писем поэта по поводу Крымской кампании⁶⁰. Письма эти, которые Тютчев посылал из Петербурга своей жене, находившейся в Мюнхене, были сообщены Форкаду без ведома поэта шурином последнего — бар. К. фон Пфеллем.

После смерти Тютчева выборка из этих же писем была предоставлена его вдовой И. С. Аксакову. Целый ряд довольно пространных отрывков был включен последним в его «Биографию Ф. И. Тютчева». Кроме писем поэта к жене в распоряжении Аксакова находились письма к родителям, использованные биографом лишь в самой незначительной степени.

Одновременно с работой над «Биографией» Аксаков замыслил отдельное издание писем своего тестя и первый заговорил о необходимости собрания эпистолярного наследия Тютчева. «Жаль, что Карл Петерсон (пасынок поэта, сын его первой жены, служивший в министерстве иностранных дел. — К. П.), так болен, — пишет он 23 октября 1873 г. Д. Ф. Тютчевой, — я хотел просить его порыться в архивах м-ва иностранных дел и вытребовать у частных лиц письма и мемуары Федора Ивановича»⁶¹. В другом письме к ней же он настаивает: «Вы все-таки собирайте его письма — от княгини Трубецкой, от Вяземского; да спрашивали ли вы вашего брата Карла Петерсона о письмах Ф. И. к Жомини, Горчакову и проч. и проч.»⁶². В особенности интересовали Аксакова письма к Вяземскому. «Я кажется уже просил вас выхлопотать у князя Вяземского письма к нему Федора Ивановича, — напоминает он через год с лишним все той же своей корреспондентке, — Анне (жене Аксакова — К. П.) писать о том Вяземскому неудобно, потому что, отвечая ей, он не может не упомянуть обо мне и о написанной мною биографии. Ко мне он не питает симпатии, а биография ему, я уверен, не понравилась, да и не могла понравиться, потому что он не придавал особенно серьезного значения ни поэзии, ни мысли Федора Ивановича. Но мне это все равно, лишь бы получить от него письма вашего отца, т. е. те из них, которые представляют общий интерес»⁶³.

По неизвестным причинам намерение Аксакова относительно отдельного издания писем Тютчева осталось несуществующим. Позднее П. И. Бартенев надеялся получить для «Русского Архива» письма поэта к Э. Ф. Тютчевой, но попытки его не привели к желанному результату. В начале 90-х годов иезуит П. Пирлинг, тогдашний владелец Гагаринского архива, собиравший опубликовать по подлинникам письма Тютчева к И. С. Гагарину и очевидно справлялся о разрешении семьи. Вдова поэта несочувственно отнеслась к намерению Пирлинга, ссылаясь на то, что письма ее мужа к Гагарину должны быть «несомненно слишком интимны», и повидимому запрос Пирлинга остался без ответа⁶⁴.

Письма Тютчева к жене — опять-таки в отрывках — стали печататься в «Русском Архиве» уже после смерти Э. Ф. Тютчевой, в течение 1898—1899 гг.⁶⁵. При этом печатались они не по автографам, а по копиям, сделанным Э. Ф. Тютчевой.

В начале 900-х годов возникла мысль об отдельном издании этих писем. Почин в этом деле принадлежал Д. Ф. Тютчевой, которая и сообщила свои соображения на этот счет своему брату И. Ф. Тютчеву. Сын поэта нашел уместным приурочить выход книги к столетнему юбилею со дня его рождения. Издатели однако столкнулись с трудностями перевода. Флоридов, к которому обратилась Д. Ф. Тютчева, нашел задачу перевода «невозможной» и соглашался редактировать письма не иначе как в подлиннике. Смерть Д. Ф. Тютчевой, повидимому, помешала осуществлению издания. Письма поэта к жене, с присоединением писем к шурину бар. К. фон Пфеффелю, были напечатаны лишь в 1914—1917 гг. в XVIII, XIX, XXI и XXII книгах «Старины и Новизны», во французском подлиннике и в очень неудовлетворительном русском переводе.

В настоящее время выяснилось, что письма Тютчева к жене постигла та же участь, что и его стихотворения. Печатному тексту их оказывается ни в коем случае нельзя доверять. Копии Э. Ф. Тютчевой, по которым они печатались, весьма далеки от подлинников, при чем расхождения эти всецело должны быть отнесены за счет сознательной редакторской работы. Вдова поэта не только выбирала из его писем лишь то, что, по ее мнению, заслуживало внимания (все остальное было при переписке опущено), но и позволяла себе исправлять самый текст с целью его большего о французивания. Опубликованные письма Тютчева к жене являются в такой же мере тютчевскими, как и традиционные редакции его стихотворений. При всей своей недостоверности и неполноте (значительная часть писем осталась вовсе неизданной) печатный текст писем поэта отличается и разными неточностями другого порядка: таковы неверно разобранные даты, соединение разных писем в одно и т. д. Первый и единственный пока опыт издания крупнейшей во всех отношениях части эпистолярного наследия Тютчева приходится таким образом признать лишенным всякого научного значения.

В виду разбросанности как опубликованных, так и остающихся до сих пор неиздан-

ными писем Тютчева, даю здесь полный перечень всех известных мне писем поэта с краткой характеристикой наиболее интересных из них. В целях более удобного пользования этим перечнем располагаю их в алфавитном порядке корреспондентов: 1) И. С. Аксакову — 36 писем (1861, 1865—1871); из них 34 письма — в Мурановском архиве и два — в собр. Н. И. Тютчева. О характере и крупном значении этих писем, в особенности как документов первостепенной важности для истории русской общественной мысли, можно судить по некоторым из них, опубликованным выше в моей работе «Тютчев и проблемы внешней политики царской России». Пространные выдержки из писем Тютчева к Аксакову приведены Г. И. Чулковым в его статье «Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой» («Мурановский сборник», вып. 1, 1928). Одно письмо было приведено в отрывке самим Аксаковым в его «Биографии Ф. И. Тютчева» (М., 1886, стр. 185—186). В 1922 г. Д. Д. Благой опубликовал еще одно письмо поэта к Аксакову в газете «Московский Понедельник» (№ 13, стр. 3). 2) Александру II-му — 1 письмо. ИРЛИ. Печатается в моей работе «Тютчев и проблемы внешней политики царской России», 3) П. В. Анненкову — 3 письма (1866). ИРЛИ. См. ниже. 4) П. И. Бартеневу — 1 письмо (1868). ЛМ. Не издано. 5) С. Н. Батюшковой — 1 письмо (1867). ЛПБ. Не издано. 6) П. Н. Батюшкову — 1 письмо (1867). ЛПБ. Не издано. 7) Гр. А. Д. Блудовой — 24 письма (1850—1873 гг.); из них 21 — в собр. Н. И. Тютчева и 3 — в ИРЛИ. Письма, хранящиеся в ИРЛИ, опубликованы в тютчевском альманахе «Уrania» (Л., «Прибой», 1928, стр. 257—259) с комментариями М. Мотовиловой. Последнее письмо (1873) воспроизведено факсимиле. Из весьма неравноценных неизданных писем следует выделить любопытное письмо (от 28 сентября 1857 г.) по поводу крестьянской реформы. 8) Е. К. Богдановой — 18 писем (1866—1870). ИРЛИ. Опубликованы отдельной книжкой: «Федор Иванович Тютчев в письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову. С предисловием и примечаниями Е. П. Казановой. Труды Пушкинского Дома, Л., изд. ОРЯС Академии Наук СССР, 1926», 9) В. П. Боткину — 1 письмо. Рукописный отдел Государственного Толстовского музея. 10) Кн. П. А. Вяземскому — 10 писем (1837, 1845, 1848, 1851, 1857, 1869 гг. и без дат); из них 2 — в ГАФКЭ, 7 — в Мурановском архиве и одно в автографе не известно. Письма на литературные и политические темы, дающие ценный материал для характеристики взаимоотношений Тютчева и Вяземского. Письма, хранящиеся в ГАФКЭ, не изданы. Письма, находящиеся в Мурановском архиве, за исключением одного, опубликованы С. Н. Дурным в «Мурановском сборнике» (вып. 1, 1928, стр. 45—51). Самое интересное, хотя повидимому и несконченное письмо было напечатано без указания адресата И. С. Аксаковым в его «Биографии» (стр. 175—178) по подлиннику, обнаруженному в бумагах Тютчева, но в настоящее время неизвестному. Кроме небольших отрывков в сносках письмо было опубликовано только в переводе. Написанное в ответ на «некоторые сомнения и возражения», которые вызвала со стороны Вяземского статья Тютчева «La Parauté et la Question Romaine», письмо это является своего рода политической статьей, дополняющей некоторые положения, выдвинутые в известных статьях Тютчева того времени. 11) Кн. И. С. Гагарину — 4 письма (1836 и 1838); из них 3 — в Славянской Библиотеке в Париже и одно в автографе не известно (имеется копия с него в Мурановском архиве). Два письма были напечатаны И. С. Аксаковым в «Русском Архиве» (1879, вып. 5, стр. 118—119, 121—122) с большими сокращениями и незначительными неточностями текста. Два других письма (одно находящееся в Мурановском архиве) не изданы. В ЛМ имеются фотокопии с подлинников, хранящихся в Славянской Библиотеке. По этим фотокопиям письма будут впервые полностью опубликованы в «Летописях» ЛМ с предисловием и примечаниями Н. И. Тютчева. Письма к Гагарину представляют выдающийся интерес для характеристики молодого Тютчева и проливают яркий свет на некоторые страницы его биографии. 12) В. Ганке — 1 письмо 1843). Чешский Национальный музей в Праге. Опубликовано В. А. Францевым в книге «Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель» (Варшава, 1905, стр. 1129—1130). Письмо это — прекрасный комментарий к известному стихотворению Тютчева, посвященному Ганке («Вековать ли нам в разлуке...»). 13) А. И. и М. А.

Георгиевским — 8 писем (1864—1866 и без даты). ЛМ. 14) М. А. Георгиевской — 21 письмо (1865—1866). ЛМ. 15) А. И. Георгиевскому — 20 писем и 1 телеграмма (1864—1866, 1871, и без дат). ЛМ. Выдержки из этих писем, касающиеся смерти Е. А. Денисьевой, приведены Г. И. Чулковым в его статье «Любовь в жизни и в творчестве Ф. И. Тютчева» («Тютчевский сборник», П., изд. «Былое», 1923; перепечатана в его книге «Последняя любовь Тютчева», М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1928) и в комментариях к «Избранным стихотворениям Тютчева» (М.-Л., ГИЗ, 1923, стр. 244—245) и к «Полному собранию стихотворений» (т. II, стр. 334—335, 392). Письма к А. И. и М. А. Георгиевским полностью подготовлены к печати Г. И. Чулковым. 16) Кн. А. М. Горчакову — 14 писем. ГАФКЭ. Текст писем см. выше в приложениях к моей работе «Тютчев и проблемы внешней политики царской России». 17) Г. П. Данилевскому — 1 записка (1855) при стихотворении «1856». ЛПБ. Опубликовано Г. И. Чулковым в «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева» (М.-Л., изд. «Academia», 1933, стр. 112). 18) В. А. Жуковскому — 1 письмо и 1 записка. Письмо (1838), написанное после смерти первой жены Тютчева, имеет громадное значение для биографии поэта. Местонахождение подлинника мне не известно. Опубликовано В. Я. Брюсовым в его статье «Летопись жизни Ф. И. Тютчева» («Русский Архив», 1903, № 12, стр. 643). Записка (1827) не издана. Относящаяся ко времени пребывания Тютчева в Париже, она написана на оборотной стороне визитной карточки «Monsieur de Tutchef, gentilhomme de la chambre de S. M. l'Empereur de Russie. Rue d'Artois. № 21»: «просит позволения засвидетельствовать свое почтение Василию Андреевичу». Собр. Н. И. Тютчева. 19) М. И. Жихареву — 1 письмо (1863). Рукописный сектор Публичной Библиотеки имени Ленина. Не издано. 20) Е. К. Зыбиной — 6 малозначительных светских писем последних годов жизни поэта, ИРЛИ. Письма подготовлены к печати М. Д. Беляевым. 21) Е. П. Ковалевскому — 4 письма. ЛПБ. Не изданы. 22) А. А. Краевскому — 1 письмо (1867). ЛПБ. Опубликовано Н. Мордовченко в журн. «Звезда» (1929, № 9, стр. 202—203). 24) В. И. Ламанскому — 9 писем. ИРЛИ. Опубликованы в «Русской Мысли» (1915, кн. XI, стр. 129—132). 25) М. Н. Лонгинову — 1 письмо. ИРЛИ. Не издано. 26) А. Н. Майкову — 10 писем (1865—1870); из них 8 — в Рукописном секторе Публичной Библиотеки имени Ленина (опубликованы: 5 — в альманахе «Северные Цветы» на 1901 г., стр. 142—143; 3 — в журн. «Новый Путь» 1903, ноябрь, стр. 14—15) и 2 — в ИРЛИ (первое опубликовано в «Урании», стр. 219—221, с комментариями С. Коплан-Шахматовой и воспроизведено факсимиле (последняя страница) в «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева» (М.-Л., 1933, при стр. 152), а второе — в примечаниях к «Новым стихотворениям» Тютчева (М., изд. «Круг», 1926, стр. 78). 27) С. И. Мальцеву — 1 письмо (1871), писанное под диктовку отца М. Ф. Бирилевой. Мурановский архив. Не издано. 28) Вел. кн. Марии Николаевне — 1 письмо (1852). Рукописный сектор Публичной Библиотеки имени Ленина (в письмах Тютчева к жене — при письме от 3 сентября 1852 г.). Не издано. 29) Кн. А. С. Меншикову — 1 письмо. ИРЛИ. См. ниже в публикации Е. П. Казанович. 30) Кн. В. П. Мещерскому — 1 письмо (1872). Государственный Театральный музей имени А. Бахрушина. Не издано. 31) П. В. Муравьевой — 1 письмо (1846). Мурановский архив. Не издано. 32) Неизвестной (кн. О. С. Одоевской ?) — 1 письмо. ЛПБ. Не издано. 33) Неизвестному — 1 письмо. ИРЛИ. См. ниже в публикации Е. П. Казанович. 34) Неизвестному — несколько отрывков из писем по поводу смерти Е. А. Денисьевой, напечатанные в переводе Ф. Ф. Тютчевым в его статье «Федор Иванович Тютчев. (Материалы к его биографии)», («Исторический Вестник», 1903, июль, стр. 200—201). Местонахождение подлинников не известно. 35) Гр. К. В. Нессельроде — 5 писем (1838, 1839 и 1846). Архив Внешней Политики. Не изданы. 36) А. В. Никитенко — 1 записка (1873) при стихах «Бывают роковые дни...». ИРЛИ. Опубликовано в «Русской Старине» (1873, VIII, стр. IV). 37) Кн. В. Ф. Одоевскому — 2 письма (1865 и без даты). ЛПБ. Не изданы. 38) А. В. Плетневой — 1 письмо. ИРЛИ. См. ниже в публикации Е. П. Казанович. 39) М. П. Погодину — 22 письма; из них 18 — в Руко-

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Фотография конца 1860-х гг.

Музей им. Тютчева, Мураново



писном секторе Публичной Библиотеки имени Ленина, одно — в собр. С. Н. Дурылина, остальные в автографах не известны. 18 писем 1820—1822 гг., рисующие довольно ярко облик юного Тютчева, опубликованы Д. Д. Благим в «Красном Архиве» (т. IV, 1923, стр. 386—391). Два интересных письма (1855 и 1857 гг.) было помещено Н. П. Барсуковым в его издании «Жизнь и труды М. П. Погодина» (кн. XIV, СПб, 1900, стр. 111—112; не ясно, является ли опубликованный там же на стр. 105 отрывок частью того же письма или извлечен из другого; кн. XV, СПб, 1901, стр. 110—111 и 105—106 — в двух отрывках). Там же (кн. XIX, СПб, 1905, стр. 486—487) напечатано еще одно короткое письмо, незначительное по содержанию (1862). Записка (1850), находящаяся теперь в собр., С. Н. Дурылина, была опубликована в «Новом Пути» (1903, ноябрь, стр. 15) как записка к неизвестному. 40) Я. П. Полонскому — 5 писем (1864, 1867 и без даты); из них 4 — в ИРЛИ (опубликованы: одно Г. И. Чулковым в газете «Московский Понедельник» 1922, № 2, стр. 3, три — в «Урании», стр. 79—81 с комментариями С. Коплан-Шахматовой) и одно — в ГАФКЭ среди бумаг Остафьевского архива. Последнее письмо см. ниже. Наиболее интересно опубликованное Чулковым письмо по поводу смерти Е. А. Денисьевой. 41) М. Н. Похвисневу — 4 письма; из них 3 (1868—1869) — в архиве Государственного Исторического музея и одно (1870) — в ЛПБ. Не изданы. Письма полуофициального характера: Тютчев-цензор по службе был подчиненным Похвиснева. 42) О. Н. Путяте — 1 письмо и 1 телеграмма (1868). Собр. К. В. Пигарева. Не изданы. 43) Бар. К. фон Пфелю — 13 писем: подлинники 10 писем (1847, 1848, 1850, 1860, 1862, 1870, 1873 гг.) в собр. Н. И. Тютчева, автографы трех писем (1851, 1855 и 1856) не известны. Десять из этих писем напечатаны в сборнике «Старина и Новизна» (кн. XXII, П., 1917, стр. 278—293), но далеко не исправно, а некоторые письма в отрывках. При сличении с подлинниками в печатном тексте обнаружен ряд сознательных стилистических изменений, вплоть до вставок новых слов, не говоря уже о пропуске или замене одних слов другими. В основу печатного текста положены копии Э. Ф. Тютчевой, при чем сверки с подлинниками не производилось. Письма к Пфелю почти сплошь на политические темы, представляют первоклассный материал для характеристики политического мировоззрения Тютчева, принадлежа в то же время к числу наиболее отделанных образцов тютчевского эпистолярного стиля. Три неизданных письма (1860, 1862 и 4 августа 1870 г.) по содержанию наименее интересны. Два письма из числа помещенных в «Старине и Новизне» были уже напечатаны раньше: одно (1873) в аксаковской «Биографии Ф. И. Тютчева» (М., 1886, стр. 187—188),

другое (от 20 февраля 1855 г.) в «Русском Архиве» (1900, № 11, стр. 418—419), по недоразумению как письмо к Чаадаеву. 44) Ю. Ф. Самарину — письмо по поводу славянского съезда в России в 1867 г. Мурановский архив. Печатается выше в моей работе «Тютчев и проблемы внешней политики царской России». 45) Д. И. Сушковой — 8 писем (1846, 1850, 1851, 1860 и 1863); из них 7 — в Мурановском архиве и одно — в Рукописном секторе Публичной Библиотеки имени Ленина (в письмах Тютчева к жене за 1851 г.). Не изданы. 46) Н. В. Сушкову — 5 писем (1836, 1847, 1851, 1857 и 1858). Мурановский архив. Два интересных в литературном отношении письма (1847 и 1851) опубликованы Д. Д. Благим в «Мурановском сборнике» (вып. I, 1928, стр. 64—68). Остальные не изданы. 47) Кн. Е. Э. Трубецкой — 12 писем: подлинники шести из них (1867 и 1870) находятся в ИРЛИ, куда переданы из Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР; автографы четырех (1871 и 1872) — в Мурановском архиве; два письма (1871 и 1872) в автографах не известны (в Мурановском архиве имеются копии с них рукою Трубецкой). Два письма из собр. Мурановского архива были напечатаны в небольших извлечениях И. С. Аксаковым («Биография Ф. И. Тютчева», стр. 145—146, 163), 5 писем из собр. Библиотеки АН опубликованы Е. П. Казанович в «Урагии» (стр. 114—118). Не включено лишь одно письмо, ранее помещенное в «Русском Архиве» (1911, № 6, стр. 274) и перепечатанное в книге Казанович «Федор Иванович Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Кролову» (стр. 62—63). Остальные письма будут опубликованы в одном из ближайших выпусков «Литературного Наследства». 48) А. Ф. Тютчевой-Аксаковой — 144 письма (1838, 1839, 1841, 1842, 1844—1846, 1852, 1859—1873 и без дат). Мурановский архив. Первые извлечения из этих писем появились в аксаковской «Биографии» (стр. 197—198, 311—313). Ранние письма (1838—1852) использованы внуком поэта Ф. И. Тютчевым в его статье «Ф. И. Тютчев и его дети» («Урагия», стр. 180—218). Наиболее обширная и безусловно самая интересная часть остается неизданной. О характере этих писем можно судить по некоторым из них, приведенным выше в моей работе «Тютчев и проблемы внешней политики царской России». Письма Тютчева к дочери Анне заслуживают публикации вместе с письмами к И. С. Аксакову как взаимно дополняющие друг друга. С этой стороны в особенности любопытны две группы этих писем: первая (1867—1869), рисующая Тютчева в качестве негласного руководителя московской славянофильской печати, и вторая (1871—1872), посвященная движению так называемых старо-католиков. В настоящее время Мурановским музеем ведется подготовка к печати всех писем Тютчева к А. Ф. и И. С. Аксаковым. 49) Д. Ф. Тютчевой — 50 писем и 2 телеграммы (1857—1860, 1862—1865, 1867—1870, 1872, 1873); из них 46 писем и телеграммы — в Мурановском архиве и 3 письма при различных стихотворениях — в собр. Н. И. Тютчева. Не изданы. Письма к Д. Ф. Тютчевой, носящие более интимный характер, чем письма поэта к другим дочерям (и тем самым не безинтересные для внутренней его характеристики), в целом представляют более узкое значение. 50) Е. Л. Тютчевой, матери поэта, — 13 писем (1846, 1847, 1860 и 1861). Мурановский архив. Не изданы. 51) Е. Ф. Тютчевой — 58 писем (1855, 1856, 1858, 1859, 1862—1864, 1866—1873); из них 57 — в Мурановском архиве, одно — со стихами «Брат, сколько лет сопутствовавший мне...» — в собр. Н. И. Тютчева. Не изданы. Отрывок из одного письма см. выше в настоящем обзоре. Среди этих писем, в общем не равноценных, встречаются блестящие характеристики лиц и событий. 52) М. Ф. Тютчевой-Бирлевой — 9 писем (1856, 1857, 1863, 1867, 1868 и 1870). Мурановский архив. Не изданы. Менее значительные письма, чем к другим дочерям, за исключением одного письма, извлечение из которого помещено выше в моей работе «Тютчев и проблемы внешней политики царской России». 53) О. А. Тютчевой — 4 письма (1869, 1870, 1872). Собр. К. В. Пигарева. Не изданы, за исключением одного отрывка из письма от 13/25 июля 1870 г. («Урагия», стр. 176 — в комментарии к письму Тютчева к брату). 54) Э. Л. Ф. Тютчевой, первой жене поэта — 1 письмо-приписка к письму Тютчева к родителям от 13/25 декабря 1837 г. Мурановский архив. Помещено в переводе в статье О. В. Пигаревой «Из семейной жизни Тютчева» («Звенья»,

№ 3—4, М.-Л., изд. «Academia», 1934, стр. 283); 55) Э. Ф. Тютчевой, второй жене поэта—484 письма (1840—1843, 1846, 1847, 1851—1864, 1866—1872); из них—435 в Рукописном секторе Публичной Библиотеки имени Ленина и 49 (за 1868 и 1869 гг.) в Мурановском архиве. По многообразию тем и эпистолярному стилю это бесспорно наиболее интересная часть тютчевской переписки. О судьбе печатного текста этих писем см. выше в настоящем обзоре. Значительное количество писем вовсе не издано. 56) Д. Ф. Тютчеву — 5 писем (1867—1868). Собр. К. В. Пигарева. Не изданы. 57) И. Ф. Тютчеву — 9 писем и 1 телеграмма (1869—1873). Собр. К. В. Пигарева. Письма на редкие для Тютчева деловые хозяйственные темы. Не изданы. 58) Н. И. Тютчеву — 5 писем (1832, 1844, 1867 и 1868). Мурановский архив. Одно письмо (1868), содержащее между прочим резкий отзыв о цензурном ведомстве, опубликовано в «Урании» (стр. 172—174) с комментариями внука поэта — Н. И. Тютчева. В комментарии приведен отрывок из другого письма Тютчева к брату. Остальные не изданы. 59) И. Н. и Е. А. Тютчевым — 34 письма (1836—1845). Мурановский архив. При сравнительной скудности сведений, касающихся личной жизни Тютчева за границей, письма его к родителям представляют не безинтересный материал для биографа поэта. Некоторые из них использованы в статьях О. В. Пигаревой «Из семейной жизни Тютчева» («Звенья», № 3—4) и Ф. И. Тютчева «Ф. И. Тютчев и его дети» («Урания»). 60) А. Ф., Д. Ф. и Е. Ф. Тютчевым — 1 письмо (1844): Мурановский архив. Не издано. 61) А. Ф. и Д. Ф. Тютчевым — 1 письмо (1853). Мурановский архив. Не издано. 62) Д. Ф. и Е. Ф. Тютчевым — 6 писем (конец 1840-х, 1860, 1863). Мурановский архив. Не изданы. 63) Д. Ф. и М. Ф. Тютчевым — 1 письмо. Мурановский архив. Не издано. 64) Гр. С. С. Уварову — 1 письмо. Архив Государственного Исторического музея. Печатается ниже. 65) С. П. Фролову — 8 писем (1868, 1869 и 1871). ИРЛИ. Опубликовано вместе с письмами к Е. К. Богдановой в указанном ниже издании, с предисловием и примечаниями Е. П. Казанович. 66) П. Я. Чаадаеву — 2 письма (1847 и без даты). Рукописный сектор Публичной Библиотеки имени Ленина. Письмо 1847 г. напечатано в «Русском Архиве» (1900, вып. 11, стр. 411—412) вместе с отрывками трех писем, из которых одно обращено к Пфеффелю, а адресат двух других еще не выяснен. Копии этих отрывков имеются в бумагах Чаадаева, чем и был введен в заблуждение В. Я. Брюсов, опубликовавший эти письма, как письма к Чаадаеву. Письмо, оставшееся неизданным, см. ниже. 67) Кн. В. А. Черкасскому — 1 письмо. Собр. А. С. Голицыной. Не издано. 68) П. И. Щербальскому — 1 письмо. ИРЛИ. Печатается ниже. 69) Н. Ф. Щербине — 1 письмо (1856). ИРЛИ. Опубликовано Г. И. Чулковым в сборнике «Феникс» (кн. I, М., изд. «Костры», 1922, стр. 151).

Если полное собрание писем Тютчева заняло бы несколько объемистых томов (к тому же большая часть этих писем писана на французском языке и нуждается в переводе), то письма к Тютчеву свободно могли бы уместиться в одной книжке. Поэт был вообще не бережлив и обычно не хранил получаемых писем. Вот почему то, что дошло до нас, представляет лишь незначительную часть его корреспонденции, при чем настоящее местонахождение некоторых опубликованных писем остается неизвестным.

До сих пор письма к Тютчеву почти не появлялись в печати. Исключение составляют: отрывок из письма гр. Д. Н. Блудова (1857—Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. XV, СПб, 1901, стр. 109—110), записка С. П. Боткина (1867? — ИРЛИ — «Ф. И. Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову», стр. 63), отрывок из письма кн. И. С. Гагарина (1836 — черновой подлинник в Славянской Библиотеке в Париже, фотокопия с него в ЛМ — «Русский Архив», 1879, вып. 5, стр. 120), письмо Г. Гейне (конец 20-х годов — A. Strodtman, «H. Heine's Leben und Werke», 2 Ausgabe, B. II, 1875, S. 96; вошло в выпущенное F. Hirth издание писем Гейне: «H. Heine's Briefwechsel», B. I, München und Berlin, 1914, S. 529—531; отрывок напечатан в русском переводе П. Ч-вым в «Русском Архиве» 1875, № 1, стр. 128, и перепечатан Г. И. Чулковым в журн. «Искусство», 1923, № 1, стр. 361—362), письмо И. А. Гончарова (ИРЛИ — «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев по неизданным материалам Пушкин-

ского Дома». С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта, П., 1923), отрывок из письма М. П. Погодина (1862—Рукописный сектор Публичной Библиотеки имени Ленина—Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. XV, СПб, 1901, стр. 109—110), письмо кн. Е. Э. Трубецкой (1866 — ИРЛИ — «Ф. И. Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову», стр. 19).

На страницах настоящего выпуска «Литературного Наследства» печатаются письма следующих лиц к Тютчеву: И. С. Аксакова (1), герцога Н. М. Лейхтенбергского (1), гр. А. К. Толстого (1), И. С. Тургенева (1), П. Я. Чаадаева (2) — из архива ИРЛИ и 3 письма гр. П. А. Валюева — два из собр. ИРЛИ и одно ЛОЦИА. В ИРЛИ имеется еще три черновика письма А. Н. Майкова к Тютчеву (1864). В письме этом содержится объяснение по поводу стихотворения Майкова «Послание к Илье Ильичу», в котором был усмотрен намек на Александра II. К Тютчеву Майков обращается как к посреднику в деле его реабилитации.

В Мурановском архиве хранятся письма к Тютчеву А. Н. Муравьева (1—1869), епископа Nardi (1—1864), бар. К. фон Пфеффеля (15—1847, 1852, 1854, 1855, 1860, 1862, 1869 и 1870), Н. В. Сушкова (1—1857), Д. И. Сушковой (3—1857 и 1861), кн. Е. Э. Трубецкой (5—1872 и 1873), Н. И. Тютчева (2—1859), А. Ф. Тютчевой (2—1855, 1863; второе — на обороте письма Тютчева к ней же от 3 мая 1863), Д. Ф. Тютчевой (8—1859, 1860, 1863, 1868 и 1872), Е. Л. Тютчевой (21—1856—1861), Е. Ф. Тютчевой (1—1856), М. Ф. Тютчевой-Бирилевой (19 писем и 1 телеграмма—1857, 1858, 1861, 1863, 1864, 1866—1868, 1870—1872 гг. и без дат) и Э. Ф. Тютчевой (8—1853, 1855, 1858, конец 1860-х, 1872 гг.). На одном из писем М. Ф. Бирилевой (от 9 августа 1867 г.), заключающем неприглядную картину быта сельского духовенства, имеется пометка рукою Тютчева на французском языке: «Посылаю тебе это письмо Мари, которое со стороны содержащихся в нем подробностей местного характера сможет заинтересовать твоего мужа» (письмо было переслано А. Ф. Аксаковой).

Из всех писем к Тютчеву наибольший интерес представляют письма кн. Е. Э. Трубецкой и бар. К. фон Пфеффеля. Писанные из Парижа и посвященные преимущественно политике Тьера, письма Трубецкой войдут в один из ближайших выпусков «Литературного Наследства».

Из писем Пфеффеля в особенности любопытны шесть, относящиеся к периоду франко-прусской войны.

ДОКУМЕНТЫ ОФИЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Третью часть рукописного наследия Тютчева составляют документы официального характера, распадающиеся на две группы. Первая касается дипломатической службы Тютчева, вторая — его цензурной деятельности. Тютчев-дипломат и Тютчев-цензор до сих пор в равной мере оставался нам неизвестным. В этом отношении задача, выпавшая на долю современных исследователей поэта, как нельзя более благодарна.

До последнего времени мы располагали только одной дипломатической депешей Тютчева, составленной им в конце 1833 или в начале 1834 г. по поручению русского посланника в Мюнхене кн. Г. И. Гагарина. Депеша эта не была отправлена, так как «она показалась ему недостаточно серьезной»⁶⁶. Черновик сохранился в бумагах кн. И. С. Гагарина, который впоследствии прислал копию с него И. С. Аксакову. По этой копии, находящейся в Мурановском архиве, депеша была опубликована Ф. И. Тютчевым, внуком поэта, в «Известиях ОРЯС Академии Наук СССР» (1928, т. I, кн. 2, стр. 525—535). При сличении с подлинником, хранящимся в Славянской Библиотеке в Париже (фотокопия с него имеется в ЛМ), в этой копии обнаружен ряд мелких неточностей.

Основной фонд документов, относящихся к дипломатической службе Тютчева, в настоящее время хранится в Архиве Внешней Политики и в свою очередь разделяется на две части: дипломатические документы, вышедшие из рук Тютчева и находящиеся в архиве канцелярии Министерства иностранных дел, и различные документы, лично касающиеся Тютчева и его службы в министерстве, сохранившиеся в бумагах Департамента хозяйственных и счетных дел.

Из всех этих материалов наибольший интерес представляют дипломатические депеши Тютчева, посылавшиеся им в Петербург в 1838—1839 гг. в бытность его русским поверенным в делах при Сардинском дворе. Эти 42 депеши писаны не рукою Тютчева, но подписаны им собственноручно. Однако официальный стиль этих депеш, беспрестанно сбивающийся на эпистолярную манеру частных писем Тютчева, их *unigue* *leopet* выдает их автора. Точно так же с достаточной уверенностью можно приписать Тютчеву и составление целого ряда дипломатических депеш русских посланников в Мюнхене и Турине, под начальством коих служил поэт. Тютчев начал свою дипломатическую карьеру в 1822 г. сверхштатным чиновником миссии в Мюнхене. Среди дипломатических депеш тогдашнего посланника в Баварии гр. Воронцова-Дашкова встречается 9 депеш, несомненно написанных рукою Тютчева. Все они относятся к 1823 г. Депеши эти невелики и незначительны по содержанию. Приписывать составление их Тютчеву нет достаточных оснований, и, повидимому, на первых порах обязанности поэта были скромнее: возможно, что он был тогда лишь простым переписчиком. Документы не только переписанные, но и составленные поэтом начинают попадаться позднее. К 1828—1833 гг., когда русским посланником в Баварии был И. А. Потемкин, относится 58 депеш, являющихся автографами Тютчева. Последний состоял в это время вторым секретарем при миссии. Из депеш кн. Г. И. Гагарина, сменившего Потемкина, только 4 депеши 1833—1834 гг. писаны Тютчевым. Наконец к 1837 г. принадлежат 3 депеши, явно составленные поэтом и подписанные русским посланником в Турине А. М. Обрезковым. Тютчев был только что назначен старшим секретарем миссии.

В архиве канцелярии Министерства иностранных дел имеются еще черновики четырех депеш гр. К. В. Нессельроде за 1837—1839 гг., адресованных Тютчеву.

В бумагах Департамента хозяйственных и счетных дел сохранилось 55 дел, касающихся службы поэта в министерстве. Среди этих документов находится свыше двадцати различных донесений, клятвенных обещаний, расписок и тому подобных бумаг, писанных или подписанных Тютчевым. Все эти материалы представляют немаловажное значение для биографии поэта.

Документы, относящиеся к деятельности Тютчева-цензора, — хранятся в Ленинградском отделении Центрального Исторического архива в бумагах Главного Управления по делам печати. Материалы эти обследовались М. Брискманом. Результат этих работ является печатающееся ниже сообщение Брискмана «Тютчев в Комитете Цензуры Иностранной», где даны извлечения из подписанных Тютчевым годовых отчетов Комитета. Заключения этих отчетов, как не без оснований предполагает комментатор, могли редактироваться самим поэтом. Кроме подписей на отчетах, автографы Тютчева встречаются и на журналах заседаний.

VARIA

Группу *Varia* составляют следующие автографы Тютчева: 1) французский прозаический отрывок политического содержания, помеченный 13 сентября 1849 г. и, повидимому, относящийся к неосуществленному труду Тютчева «*La Russie et l'Occident*» (ГАФКЭ; Остафьевский архив); 2) переписанные рукою поэта чужие стихотворения: отрывок из пушкинской оды «Вольность» (Рукописный сектор Публичной Библиотеки СССР имени Ленина; Погодинский архив), четверостишие Гете «*Alle das Neigen...*» из стихотворения «*Rastlose Liebe*» (собр. Н. И. Тютчева), первая строфа стихотворения Пушкина «Твоих признаний, жалоб нежных...» (Мурановский архив); 3) записи имен иностранных писателей, выписанные в параллельные столбики; цель этих записей неизвестна (подобные автографы имеются в Погодинском и Мурановском архивах); 4) надписи на книгах (библиотека Мурановского музея: пометы на книгах «*M. Tullius Cicero's sämtliche Briefe, übersetzt und erläutert von C. M. Wieland. Stuttgart, 1814*» и «*Jocelyn. Par Alphonse de Lamartine. Paris, 1836*» и дарственные надписи дочерям на книгах «*Auswahl deutscher Gedichte für höhere Schulen, von Dr. K. S. P. Wackernagel. Berlin, 1838*» и «*Littérature de la jeunesse et de l'âge mur. Par A. Vinet. Lausanne, 1857*»). К этому же отделу может быть отнесен юношеский рисунок поэта «Муза и Амур» (Мурановский архив), единственный сохранившийся.

УТРАЧЕННЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ РУКОПИСИ

Несмотря на то, что в деле выявления рукописного наследия Тютчева мы имеем уже возможность подвести довольно солидные итоги, все-таки наша работа ни в коем случае не может считаться завершенной.

В обзоре эпистолярного наследия Тютчева мне не раз приходилось указывать письма, настоящее местонахождение коих не выяснено. Остается еще целый ряд неразысканных тютчевских рукописей. Таковы, например, автографы некоторых стихотворений, печатавшихся в «Современнике» 1836—1840 гг., но отсутствующих среди рукописей, пересланных И. С. Гагариным И. С. Аксакову, между тем, как мы знаем, в одном из них («Не то, что мните вы, природа...») цензурой вымараны две строфы.

Совершенно исчезли из поля зрения исследователей и подготовительные наброски незавершенного труда Тютчева «La Russie et l'Occident» («Россия и Запад»), находившиеся в распоряжении И. С. Аксакова и частично приведенные в его «Биографии Ф. И. Тютчева» (стр. 199—227). Вовсе неизвестна одна записка Тютчева политического содержания, представленная поэтом Николаю I через гр. А. Х. Бенкендорфа в 1843 г. Рукописи четырех статей Тютчева также пока не обнаружены.

Не удалось до сих пор установить, куда поступили письма Тютчева к гр. В. П. Орлову-Давыдову, ранее находившиеся в архиве усадьбы «Отрада».

В Мурановском архиве, в письме Д. Ф. Тютчевой к Э. Ф. Тютчевой (от 11 ноября 1878 г.), имеются сведения об одном неизданном стихотворении поэта, посвященном кн. О. В. Барятинской. Существует указание на то, что в 1873 г. полуразбитый параличом Тютчев пытался откликнуться стихами на смерть вел. кн. Елены Павловны. Эти стихи (или вернее стихотворная попытка) еще не разысканы. Возможно, что будущее таит для нас и ряд других неожиданных находок.

Если, таким образом, мы должны с прежней настойчивостью продолжать розыски тютчевских материалов, то теперь уже может быть поставлен вопрос и о дальнейшей разработке выявленного до сих пор.

Прежде всего самое серьезное внимание должно быть уделено эпистолярному наследию Тютчева. Представляющие выдающийся интерес не только для литературоведа, но и для историка, письма Тютчева заслуживают скорейшего вовлечения их в научный оборот. Равным образом чрезвычайно интересный материал исторического и бытового характера представило бы полное собрание дипломатических донесений Тютчева. Само собой разумеется, что все эти материалы требуют самого углубленного комментария. Большим подспорьем в этой работе послужит составляемая Мурановским музеем имени Тютчева картотека материалов для изучения жизни и творчества поэта. Картотека эта, хотя далеко еще не завершенная, распадается на следующие разделы: летопись жизни Тютчева, хронологический указатель его произведений, библиографический справочник (дополнительный к печатным источникам) и каталог рукописей Тютчева. Наиболее разработанным является первый раздел картотеки, в некоторых своих частях представляющий последовательный «дневник» Тютчева, составленный по переписке и памятным книжкам его близких. Естественно встает вопрос о своевременности подробной биографии Тютчева. Блестящая в чисто-литературном отношении биография поэта, написанная его зятем И. С. Аксаковым, с фактической стороны — в силу различных условий — страдает неточностями и пробелами. Недостатки этого труда не искупаются теми дополнениями и поправками, которые были сделаны к нему В. Я. Брюсовым в его статьях о Тютчеве. Конечно по целому ряду вопросов книга Аксакова, появившаяся в 1874 г., останется первоисточником, с которым обязаны считаться будущие исследователи, но в 1935 г. читатель в праве требовать от нас новой биографии Тютчева — новой по методу и по материалу⁶⁷.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Письмо В. П. Боткина А. А. Фету — Фет, «Мои воспоминания», т. I, стр. 448.

² «Современник», 1854, т. XLIV.

³ «Русское Слово», 1859, № 2, стр. 84.

⁴ «История новейшей русской литературы», СПб., 1890, стр. 566.

⁵ «Современник», 1859, № XII, стр. 320.

- ⁶ См. П. Н. Лепешинский, «На повороте» П., ГИЗ, 1922, стр. 97; В. Бонч-Бруевич, «Ленин о художественной литературе» — журнал «Тридцать дней», 1934, № 21, стр. 15.
- ⁷ А. Старчаков, «Литературные заметки. Ф. И. Тютчев» — «Известия ЦИК и ВЦИК», 9 декабря 1928, № 286.
- ⁸ Письмо Тютчева к И. С. Аксакову от 13 марта 1870 г. — И. С. Аксаков, «Биография Ф. И. Тютчева», М., 1886, стр. 185.
- ⁹ Неизданное письмо Тютчева к И. С. Аксакову от 16 мая 1867 г. — Собрание Н. И. Тютчева.
- ¹⁰ «Труды Общества Любителей Российской Словесности», 1819, ч. XIV, стр. 32—36.
- ¹¹ «Revue encyclopédique», 1824, t. XXII, p. 136—137.
- ¹² См. статью Г. И. Чулкова «Стихотворения, присланные из Германии» (К вопросу об отношении Пушкина к Тютчеву) — «Звенья», № 2, М.-Л., изд. «Academia», 1933, стр. 255—267.
- ¹³ «Современник», 1850, т. XIX, отд. VI, Смесь, стр. 55—74.
- ¹⁴ Хомяков, А. С., Полное собрание сочинений, т. VII, 1917, стр. 200—201.
- ¹⁵ «Москвитин», 1850, № 7, апрель, кн. I, стр. 162—163.
- ¹⁶ «Раут», литературный сборник в пользу Александринского детского приюта, изд. Н. В. Сушкова, М., 1851, стр. 76.
- ¹⁷ «Новый путь», 1903, ноябрь, стр. 15.
- ¹⁸ «Мурановский сборник», вып. I, 1928, стр. 67.
- ¹⁹ «Раут на 1852 год», исторический и литературный сборник в пользу учебного заведения для благородных девиц ведомства дамского попечительства о бедных в Москве, изд. Н. В. Сушкова, М., 1852, стр. 201.
- ²⁰ «Тютчев, его критики и читатели», — «Тютчевский сборник», П., изд. «Былое», 1923, стр. 79—80.
- ²¹ Фет, А. А., «Мои воспоминания», т. I, стр. 134.
- ²² Там же, стр. 134—135.
- ²³ «Вестник Европы», 1894, кн. 2, стр. 482.
- ²⁴ Фет, А. А., «Мои воспоминания», т. I, стр. 135.
- ²⁵ «Современник», 1854, т. XLIV. Приложение с особой пагинацией; т. XLV, стр. 1—14.
- ²⁶ «Тургенев и его время», ГИЗ, М.-П., 1923, стр. 142—163.
- ²⁷ «Тютчевский сборник», стр. 48—62. Перепечатано в «Новых стихотворениях» Тютчева, М.-Л., изд. «Круг», 1926, стр. 13—29.
- ²⁸ Стихотворения Фета были в корне переработаны для печати самим автором, но по указке Тургенева. См. статьи: Д. Д. Благого «Тургенев — редактор Фета». — «Печать и Революция», 1923, III, стр. 45—64 и Н. Колпаковой «Из истории фетовского текста» — «Поэтика. Временник Отд. Словесных Искусств ГИИИ». Л., изд. «Academia», 1927, стр. 168—187.
- ²⁹ Из переписанных в сушковской тетради стихотворений Тютчева в тургеневское издание 1854 г. не вошли: «Как он любил родные ели...», «Близнецы», «Не знаешь, что лестней для мудрости людской...», «Русская география», «Не гул молвы прошел в народе...», «Нет, карлик мой, трус беспримерный...», и «Олегов щит». Не включены в сушковскую тетрадь следующие стихотворения, напечатанные в издании 1854 г.: «Весенняя гроза», «Последняя любовь», «Проезжая через Ковно» («Ты ль это, Неман величавый?...»), «На смерть Жуковского», «День вечерет, ночь близка...», «Сияет солнце, воды блещут...», «Не остывшая от зною...», «Из Гете» («Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...»), «Из Шиллера» («С озера веет прохлада и нега...») и семнадцать пьес, относящихся к заграничному периоду жизни поэта и напечатанных подряд на страницах 110—132.
- ³⁰ Кроме указанных изменений в тексте стихотворения «О волна моя морская...» рукою Тютчева исправлены две описки в последней строфе: «прелести» вместо «прелестью», и «думу, думу» вместо «душу, душу». Возможно, что им же исправлена буква Г на Ч в одной строке стихотворения «Сон на море»: «В лучах огневиды...» вместо «В дугах...», а также в дате «1 дек. 1827», сопровождающей стихотворение «Тая здесь то суждено нам было...», перемена цифры 2 на 3.
- ³¹ То, что копии сушковской тетради выполнены не непосредственно с некрасовских текстов, а со списков Э. Ф. Тютчевой, доказывается тем, что различные небрежности последних попали в сушковскую тетрадь, в том числе и пропуск двух слов в «Итальянской вилле»; пропущенные слова вставлены над строкой Н. В. Сушковым.
- ³² См. статью Д. Д. Благого «Тургенев — редактор Тютчева», — «Тургенев и его время», стр. 155—156.
- ³³ Относительно композиции «Сна на море» см. там же, стр. 157—159.
- ³⁴ Н. Гудзий, «Новое издание стихотворений Тютчева» — «Литературная газета» от 14 декабря 1933 г., № 58 (313), стр. 3.
- ³⁵ Ф. И. Тютчев, «Полное собрание стихотворений», т. I, М.-Л., изд. «Academia», 1933, стр. 323.

- ³⁶ Хранится в Государственном Литературном Музее.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Чулков Г. И., «Судьба рукописей Тютчева». — «Тютчевский сборник», стр. 61.
- ³⁹ «Новый Путь», 1903, ноябрь, стр. 26.
- ⁴⁰ «Русская Мысль», 1912, кн. XII, стр. 116.
- ⁴¹ «Биография Ф. И. Тютчева», стр. 324.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Картотека Мурановского музея, запись под 8 марта 1879 г.
- ⁴⁴ См. Картотеку Мурановского музея, запись под 16 мая 1849 г. Ср. Чулков.
- «Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева», М.-Л., изд. «Academia», 1933, стр. 75.
- ⁴⁵ См. Картотеку Мурановского музея, запись под 26 февраля 1886 г.
- ⁴⁶ Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений, т. I, стр. 74.
- ⁴⁷ См. Картотека Мурановского музея, запись под 30 декабря 1885 г.
- ⁴⁸ Мурановский архив.
- ⁴⁹ Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений, т. I, стр. 74.
- ⁵⁰ См. Картотеку Мурановского музея, запись под 11 декабря 1893 г.
- ⁵¹ Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений, 8-е издание, под редакцией П. В. Быкова, П., изд. т-ва А. Ф. Маркс, стр. 666.
- ⁵² «Русский Архив», 1900, вып. 3, стр. 405—420. Все приводимые из статьи Брюсова цитаты взяты со стр. 415—416.
- ⁵³ Редактор, повидавшему не считал трех бартеневских изданий и имел в виду издания 1854 и 1868 гг., «Новонайденные стихотворения» и издания 1886 и 1900 гг.
- ⁵⁴ «Русское Богатство», 1912, № 9, стр. 215.
- ⁵⁵ См. «Записи Харьковского университета», 1917, кн. I и П, стр. 60—64 — отзыв проф. Н. Ф. Сумцова о работе «Жизнь и поэзия Тютчева».
- ⁵⁶ См. Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений, т. II, стр. 491 — комментарий к стихотворению «Наполеон III».
- ⁵⁷ Г. И. Чулков остался неизвестным между прочим хранящиеся в ИРЛИ автографы стихотворений «Наш век» и «Бывают роковые дни...». Между тем в обоих автографах имеются разночтения с традиционными редакциями, при чем разночтения эти должны были бы войти в основной текст. В первом автографе, по сообщению, сделанному мне Е. П. Казанович, начальная строка последней строфы читается: «Не скажет век с молитвой и слезой...» (т. е. не скажет человек), а не «Не скажет век с молитвой и слезой...». Варианты второго автографа сообщены мне В. В. Гиппиусом: строка 8 — «Неоцененный, лучший дар...» (вместо: «Неоцененный...»), строка 9 — «Сочувственную руку друга...» (вместо: «... душу друга»), строка 10 — «Кого живая, теплая рука...» (вместо: «... чистая рука»).
- ⁵⁸ Томашевский Б., «Русское стихосложение. Метрика», П., изд. «Academia», 1923, стр. 92.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ «Revue des deux Mondes», 1854, t. VI, pp. 871—872, 886—893.
- ⁶¹ Собрание Н. И. Тютчева.
- ⁶² Письмо от 26 декабря 1873 г. — Там же.
- ⁶³ Письмо от 28 июня 1875 г. — Там же.
- ⁶⁴ Картотека Мурановского музея, запись под 5 октября 1893 г.
- ⁶⁵ Из писем Ф. И. Тютчева — «Русский Архив», 1898, вып. 12, стр. 556—568; 1899, вып. 2, стр. 269—280; вып. 3, стр. 505—520; вып. 4, стр. 648—657; вып. 5, стр. 92—105; вып. 6, стр. 241—286; вып. 8, стр. 584—606; вып. 9, стр. 150—169; вып. 11, стр. 423—436.
- ⁶⁶ Письмо кн. И. С. Гагарина к А. Н. Бахметевой от 28 октября 1874 г. — «Известия ОРЯС Академии Наук СССР», 1928, т. I, кн. 2, стр. 526.
- ⁶⁷ За послереволюционные годы появился ряд статей, посвященных отдельным вопросам тютчевской биографии (Г. И. Чулова «Тютчев на смертном одре» — «Шиповник», 1922, № 1; его же «Последняя любовь Тютчева», изд. М. и С. Сабашниковых, 1928; Н. И. Тютчева «Тютчев и его дети» — тютчевский альманах «Уrania», Л., изд. «Прибой», 1928; О. В. Пигаревой «Из семейной жизни Ф. И. Тютчева» — «Звенья», № 3—4, М.-Л., изд. «Academia», 1934). Все эти работы основаны на неизданных архивных материалах. В 1933 г. издательством «Academia» выпущена составленная Г. И. Чуловым «Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева», в которой впервые приведены извлечения из картотеки Мурановского музея. Все эти работы однако не устраняют нужды в новой полной биографии поэта.